

НАШИ • ТАМ

ОЛЕГ ГОРОС
А УТРОМ
ПРИШЕЛ ФО...♦♦♦

Наши там (Центрполиграф)

Олег Горос

А утром пришел Фо...

«Центрполиграф»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Горос О. В.

А утром пришел Фо... / О. В. Горос — «Центрполиграф»,
2020 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-09024-9

Мир меняется: в нем возникают чудовища, которых не встретишь даже в самых жутких кошмарах. Верить никому нельзя – даже под личиной друга может скрываться монстр. И теперь горстке солдат, оказавшихся в эпицентре катастрофы, предстоит не только выжить, но и остановить этот кошмар. Ведь под угрозой все человечество! Но для этого нужно понять, по каким законам живет новый, изменившийся мир...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-09024-9

© Горос О. В., 2020
© Центрполиграф, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	37
Глава 5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Олег Горос

А утром пришел Фо...

Пролог

«Хорошая будет ночь!» – подумал начальник караула старший лейтенант Кедрович, выпуская сизый клубок табачного дыма в сторону чернеющих на горизонте макушек таежных сосен. Над ними, окрасив небосвод огненным заревом, пылали последние отблески дня, и несколько отливающих кровавым пламенем островков-облаков таяли в быстро сгущающихся сумерках.

Кедрович облокотился о железную спинку лавочки курилки и закрыл глаза. Летний прохладный ветерок бил в лицо и настырно рвался под форменный китель. С дальних болот тянулся протяжный лягушачий ор, и ему традиционно вторили назойливым стрекотом сверчки. Словно конкурируя с ними, со стороны военного училища гремела похожая на нестройный лай какофония строевых песен – курсанты и солдаты вышли на вечернюю прогулку. Чуткое ухо начкара уловило также вплетающийся в этот жуткий ночной ремикс протяжный храп.

«Часовой на собачке! – догадался Кедрович. Собачкой называли пост у входа в караулку. – Спит, гаденыш!»

Он хотел было пойти устроить горе-часовому взбучку, однако махнул рукой: «Пусть наслаждается, пока у начкара романтическое настроение. Вот через пяток минут оно пройдет, и не дай бог, если я застану кого-то спящим на посту...»

Между тем на востоке зарождалось ненастье. По небу медленно и зловеще, проглатывая звезды, расплзалась мгла. Туман! Кедрович изредка бросал в ту сторону тревожные взгляды – и вновь смотрел на запад, словно стараясь насладиться последними лучами солнца. Как будто видел его в последний раз. В какой-то момент ему даже показалось, будто огненное зарево на западе – это кровавая пасть гигантского монстра, а черные острые верхушки сосен – клыки. Вот сейчас надвинется туман, эта пасть сомкнется над миром, и...

– Товарищ старший лейтенант, там задержанного привели!

Кедрович вздрогнул. Недовольно глянул на темный силуэт, словно привидение, возникшего из мрака караульного.

– Задержанного привели, – будто извиняясь, повторил тот.

– Запускай. Я сейчас подойду.

Начкар снова взглянул на запад – от заката осталась лишь алая полоска, затем на восток – чернота поглотила уже полнеба. Он сделал еще пару затяжек и щелчком отправил окурочек в пепельницу – гигантскую бетонную яму посреди курилки. Огонек исчез в этом кратере подобно маленькой пылающей комете.

Силуэт задержанного был едва различим в тени деревьев у калитки. Кедрович понял лишь, что это солдат – срочник. Его сопровождали двое патрульных курсантов и их командир, капитан.

– Бегунок какой-то, – объяснил начальник патруля, пожимая Кедровичу руку. – Рядом с училищем поймали, у блокпоста.

– Из наших?

– Не-а. Говорит, что... – Капитан покосился на подчиненных и шепнул: – Говорит, из Красновки!

– Из самой Красновки?! – поразился начкар.

– Вроде как... – пожал плечами капитан.

Оба, не сговариваясь, посмотрели в сторону пожирающей небосвод мглы.

– Оттуда по-прежнему все глухо? – спросил Кедрович.

– Ага, – покачал головой капитан. – Ни связи с Красновкой, никаких беженцев. Словно все сгнули. Слышал, говорят, еще один отряд спасателей пропал?

Вроде как уже восьмой за эти дни. Погорск в панике, город готовят к эвакуации.

– Как думаешь, – Кедрович кивнул на задержанного, – этот точно оттуда?

– Кто ж знает? Может, и врет. В общем, дежурный по училищу велел пока к вам на гауптвахту отвести. Свяжутся с начальством, там решат, как дальше быть. Так что принимай клиента.

Один из патрульных подтолкнул задержанного к калитке.

– Ого! – воскликнул Кедрович, когда свет фонаря попал на лицо солдата. – Вы его, что ли?

– Таким и задержали, – заверил капитан. – Честно!

Парень выглядел так, словно вырвался из кулачной потасовки. Все лицо в ссадинах, под правым глазом зиял гигантский порез, будто полоснули ножом, из разбитой губы сочилась кровь. Форма солдата больше походила на лохмотья, на ней повсюду темнели бордовые пятна, особенно большое на груди, словно туда всадили нож. «Не иначе как неуставщина, – решил Кедрович. – Наверняка старослужащие отлупили, вот и дал деру из части». Вслух же сказал:

– Ладно, разберемся. Павленко!

– Я! – раздался из темноты сонный голос часового с собачки.

– Сопроводи-ка этого дезертира в караулку.

Кедрович еще ненадолго задержался на улице: поболтал с начальником патруля, заглянул в окно гауптвахты – проверил, не спит ли часовой, и не спеша отправился в караульное помещение. Задержанный дождался его, нетерпеливо ерзая на стуле, и, как пойманный зверек, бросал по сторонам испуганные взгляды. Теперь, рассмотрев его при более ярком освещении, Кедрович поймал себя на мысли: «И как таких мелких в армию берут?» Если б не военная форма, можно решить, что это школьник средних классов. При этом вид у солдата был такой, словно он полсотни километров протопал пешком: тощ, как беженец из концлагеря; рваная, цвета грязного хаки, воняющая болотом форма едва не соскальзывает с худющих плеч. Лицо парня оказалось изодранным настолько, что трудно было представить, как оно должно выглядеть безо всех этих ссадин, царапин и синяков. Даже на макушке сквозь растрепанные, давно не выдавшие мыла и воды русые волосы проступали бурые шрамы.

«Да его в санчасть надо, а не на кичу, – подумал Кедрович. – Ладно, подержим до утра, а там посмотрим...»

– Военник есть?

К удивлению начкара, солдат полез во внутренний карман кителя и достал нечто неопределенного вида – как оказалось, военный билет, настолько грязный, мокрый и потрепанный, что некоторые слова походили на фиолетовые кляксы.

– Беречь надо личные документы! – сурово заметил Кедрович, на что парень лишь нервно усмехнулся. – Та-а-ак... Значит, Граненко Олег Ва... А, Владимирович!

– Гриненко, – поправил солдат.

– Ну, так как же тебя занесло в наши края, Олег Владимирович?

– Я пришел... Я хотел предупредить! А они... Да вы все!.. – Парень вдруг вскочил и затараторил, выпучив глазища, все больше переходя на крик: – Вы думаете, что я сумасшед-

ший, да? Нет, это вы все тут психи! Придурки! Сколько вас здесь, в Погорске? Сто? Больше? Двести? Двести тысяч трупов! Армия? Кто – вы? Все сдохнете! Они – вот это армия...

Кедрович аж растерялся, ошеломленный внезапной истерикой парня. Затем предпринял попытку его успокоить. На уговоры солдат не поддался, однако после более жесткой меры утихомирился и, держась за челюсть, опустил на стул.

«Да его не в санчасть, а в психушку надо!» – покачал головой Кедрович.

– Чего уставились? – рявкнул начкар, заметив несколько торчащих в двери удивленных физиономий сбежавшихся на крик караульных. – Марш по местам!

Физиономии пропали.

Кедрович снова принялся листать военник. Ага, вот! Военная часть, ее номер, Красновка... Значит, правда!

– Ты действительно из Красновки? Пешком шел? Но там ведь...

Красновка! Вот уже несколько дней лишь о ней и разговоры. Столько народа пропало... На дороге за военным училищем целый блокпост соорудили. Даже боевой техники нагнали. Ждем чего-то, а чего – сами не знаем. Никто толком понять не может, что там – туман сплошной...

– Беспokoит вас, да? – усмехнулся солдат. – Да только вы не в силах остановить это!

– Остановить что?

– Я там был! Был, когда все началось! – прошептал парень и посмотрел на Кедровича так, что тот окончательно решил: у парня горячка. Ничего, ночь в камере для временно задержанных его разом охладит. – Дебилы! – продолжал солдат. – Они даже представить не могут! Завтра, говорят, разберемся... Да только поздно уже будет, завтра-то!

«А может, он врет? – Кедрович снова взглянул на задержанного. – Слинял из части, попался, а теперь симулирует... Хотя – Красновка... Да из Красновки и сбежал! До того как все началось. Как теперь проверишь-то?»

– Дайте воды, – попросил солдат.

Кедрович повернулся к сидящему за пультом связи караульному, который с интересом слушал этот необычный диалог. Тот понял без слов и через минуту вернулся с полным стаканом. Парень пил жадно, большими глотками, словно несколько дней не видел воды. Может, так оно и есть? Наконец он опустил стакан и тихо произнес:

– Когда это началось, я, как и вы, был в карауле...

Глава 1

Караул

Подумать только, это было всего неделю назад. А как будто целая жизнь прошла...

Помню, в тот день стояла жуткая жара. Солнце палило просто адски! На небе ни облачка. С трудом выстояв предкараульный развод, мы побросали на траву автоматы и завалились в тени огромного тополя, который рос у плаца. Правда, очень сильно доставал летящий с него пух – лез и в нос, и в рот. Мне пришлось даже надвинуть на лицо кепку.

Только расслабились, раздался вопль старшего сержанта Провина – нашего заместителя командира взвода, который заступал с нами помощником начкара:

– Караул, стройся!

Ага, так мы и подорвались! Его крик пронесся, словно над полем брани. С тем же успехом он мог пытаться поднять павших в битве героев.

– Стройся, караул, я сказал!

Несколько кепок лениво приподнялись, по сержанту скользнули сонные взгляды.

– Чего торопиться-то? Начкар все равно еще не пришел, – раздался бас вечно невозмутимого Славы Бабина. Впрочем, он выразил всеобщее нежелание выбираться из тени под палящее солнце.

Провин продолжал нависать над нами, с беспомощной яростью созерцая наши размокшие жарой тела.

– и чего пристал... – проворчал Сережа Сычев и, словно сытый тюлень, перевернул свою гигантскую тушу на другой бок, продемонстрировав помначкару необъятный зад. Кто-то даже всхрапнул. Не хватало только таблички на дереве «Не кантовать». Признаться, нам доставляло немалое удовольствие лишний раз поиздеваться над Провиным.

– А ну, в строй, я сказал! Мне что, рапорт писать? – в отчаянии взвизгнул помначкар. – Младший сержант Агеев!

– Я тут, Жека, – отозвался Витек, приподнимаясь с шинельной скатки. Он заступал в караул разводящим.

– Я вам не Жека, а товарищ старший сержант! Ясно? – Провин аж побагровел от злости. – Если через минуту личный состав не построится, вместо караула вы отправитесь на гауптвахту! Вы меня поняли?

– Так точно, Жека!

Агеев лениво поднялся, с усмешкой глянул на помначкара, затем поправил на себе форму, стряхнул с лычек на погонах землю и громогласно, но спокойно провозгласил:

– Давайте в строй, хлопцы! Вы чё, на курорт собрались? Быстро к машине!

– Да ладно тебе, Витек. Чего так орать-то? – залепетал Андрюха Шурович, протирая сонные глаза. – Не кипешуй, сейчас построимся.

Мы стали вяло выбираться из-под спасительной кроны. Когда, волоча автоматы и шинели, прошли мимо Провина, тот с тихой яростью посмотрел нам вслед.

Провина у нас, мягко говоря, не любили. И не без причины. Едва он попал к нам в часть, сразу же стал на особое положение благодаря довольно гаденькому таланту втираться в доверие к нужным людям. Не прошло и месяца, как он стал едва ли не личным ординарцем нашего командира батальона. При этом со своими сослуживцами Женя Провин с самого призыва принципиально дружбу не водил, считая это ниже своего достоинства. От старослужащих ловко прикрылся авторитетом комбата. На счастье Провина, служить он попал в часть мирную и дружную, неуставные отношения у нас случались крайне редко. Хотя однажды любитель помахать кулаками Эдик Драпко не сдержался и намял ему бока. Женя в долгу не остался: тут

же поведал о случившемся своему покровителю. Драпко отправился в ссылку на кичу и заодно получил предупреждение от комбата:

– Если подобное повторится, я лично прослежу, чтобы вас перевели в другое воинское подразделение! Мне тут нарушители порядка не нужны!

Желание остаться в нашем дружном коллективе для Эдика оказалось сильнее, чем потребность научить нахала хорошим манерам. Тем более особого вреда Провин не причинял, кроме того, что задира нос. И Женю окончательно оставили в покое. А вскоре произошло неожиданное: у комбата представилась возможность продвинуть по службе своего протеже. Как-то раз наш тогдашний заместитель командира взвода уже упомянутый Витя Агеев неудачно сходил в самоволку: мало того что попался пьяным, так еще и чуть не набил морду дежурному по части офицеру. Расправа последовала тут же – Агеева сместили с должности и разжаловали из сержантов в младшие. Мы были уверены, что на вакантное место назначат кого-нибудь из командиров отделений, и весьма удивились, когда узнали новость – новым замкомвзвода станет Провин. А ведь тот не был не то что сержантом, даже ефрейтором! После назначения Женя тут же возомнил о себе, а затем в рекордные сроки совершил несколько карьерных скачков, за полгода из рядовых превратившись в старшего сержанта, и уже лелеял в своей прикроватной тумбочке погоны старшины. Впрочем, это назначение авторитета ему не прибавило, скорее наоборот: Провина тихо ненавидел весь взвод, а негласным «батяней» для нас все равно остался Агеев.

– Уже построились? Молодцы! – воскликнул подбежавший капитан Саморов, наш командир взвода, заступивший начальником караула. Он окинул взглядом строй и по-гусарски усмехнулся в усы: – Клоуны! И с кем нести службу?..

Я выглянул из строя и не смог сдержать улыбки. Первым, как и положено, стоял среднего роста младший сержант Агеев. За ним возвышался Сергей Сычев, настолько огромный, что кепка разводящего едва достигала уровня его подбородка. Сразу за Сычевым пристроился я – такой мелкий, что мне до сих пор спиртное в поселке не продают: думают, я школьник. За мной из строя торчала голова Вовки Роганина, который ростом не уступал Сычеву, да только выглядел как засушенный его вариант – в плечах он был, наверное, уже меня. Около Роганина вразвалку стоял его неразлучный приятель Эдик Драпко – маленький и толстый. Над ним возвышались головы еще двух верзил нашего взвода – Славы Бабина и Лехи Волкова, а сразу за ними торчала белобрысая макушка небольшого Андрея Шуровича. Ну и замыкал строй мой лучший друг, как и Агеев, среднего роста Антон Трошников. В общем, «лесенка дураков», как мы обычно именовали такое построение. И у всех на разморенных жарой кислых физиономиях – лень и тоска.

– Вы бы хоть по ранжиру выстроились, что ли... – вздохнул капитан и, махнув рукой, принялся прохаживаться вдоль строя. – В общем, так, товарищи солдаты, воины-танкисты, защитники отечества. В карауле вы все уже бывали, как службу нести, знаете...

Капитана слушали молча. Леха Волков невозмутимо начищал на ремне бляху, периодически проверяя ее безупречность, поднося к глазам и оценивая, как она сверкает на солнце. Антон Трошников, навалившись на борт машины, обмахивался кепкой, Слава Бабин считал птиц на тополе, под которым мы недавно возлежали, я же читал книжку, пряча ее за необъятной спиной Сычева. И речи начкара тихо аккомпанировал посвистывающий храп Андрея Шуровича, который умудрился уснуть прямо в строю.

– Сразу вас предупреждаю: на посту не спать! – Саморов остановился напротив Шуровича.

Эдик ткнул того в бок. Шур вздрогнул, распахнул заспанные глаза. Капитан продолжал:

– А то, вместо того чтобы после караула вернуться в казарму и спокойно «отбиться», вы вернетесь и тоже «отобьетесь», но не в казарме – а где?

Капитан окинул строй насмешливым взглядом.

– В санатории имени майора Дорова! – воскликнул Антон Трошников.

Все заржали. Доров – это наш начальник гауптвахты.

– Правильно, на киче, – кивнул капитан. – Вот товарищ Трошников в курсе. И вполне возможно, скоро туда снова отправится за нарушение формы одежды.

Улыбка тут же исчезла с Антохиного лица – капитан Саморов намекал на недавние семь суток ареста за самоволку. Трошников тут же отлепился от борта машины, вытянулся по стойке смирно, одернул форму и напялил кепку, которую до этого вертел в руках.

– Стоп! – Начальник караула вдруг настрожился. – А где еще один?

– Я здесь, товарищ капитан!

В строй заскочил Саня Рыбалкин, виновато улыбаясь и что-то пряча за широкой спиной.

– Та-а-ак, что у нас тут? – капитан стал медленно обходить его.

Рыбалкин было попытался поворачиваться, держась к офицеру лицом, да только начкар рывкнул:

– Смир-р-рно!

Рыбалкин замер.

– Это, едрить тебя налево, что за фигня?

– Гитара, товарищ капитан, – отрапортовал Рыбалкин, прижимая к спине инструмент.

– Бойцы, вы совсем трататушки попутали? Вы чё, отдыхать туда едете?

– В свободное время, товарищ капитан.

– Да вы, я смотрю, расслабились! Сладкой службы захотели? Я вам там устрою свободное время! Всю ночь будете устав зубрить!

Однако в голосе капитана Саморова звучала скорее усмешка, нежели угроза. Он сам прекрасно понимал, что то, зачем мы едем, можно скорее назвать отдыхом, чем службой. Вот уже несколько лет наша часть охраняла какой-то заброшенный, никому не нужный склад посреди тайги, на который давно было наплевать не только потенциальным нарушителям, но и Министерству обороны. А охраняли этот объект скорее по привычке, потому как здание еще не рухнуло от старости и числилось на балансе. Конечно, офицеры пытались блюсти во время охраны объекта строгость и устав, но в эти караулы солдаты рвались, как в увольнение. Где еще так выпишься и отдохнешь от строевой подготовки, полевых выездов и нарядов?

– Ладно, давайте в машину, – вздохнул капитан.

Мы полезли через борт ГАЗ-66, торопясь укрыться от солнца под его брезентовым тентом.

– Эй, Звереныш, гитару возьми! – крикнул Рыбалкин.

Я одной рукой схватился за гриф, а второй – за широкую ладонь приятеля и помог Рыбалкину перевалиться через борт. ГАЗ заурчал и тронулся. За кормой мелькнули увенчанные звездами ворота воинской части, и над машиной сомкнулись вершины могучих таежных сосен. Ехать предстояло часа полтора. Рыбалкин тут же ударил по струнам и затащил: «Сбивая черным сапогом с травы прозрачную росу, наш караул идет вперед и каждый к своему посту...» Машину затрясло на кочках – водила давил на газ, словно вез дрова, да только гитариста это не смутило. Кто-то даже попытался подпевать. Вечно спящий Шурович тут же вырубился, а вскоре некоторые последовали его примеру – из-за жары мы все стали похожи на стаю двуногих ленивцев цвета хаки. Я не спал. Сидя у борта, глядел в синее небо с уже начавшим клониться к горизонту солнцем и думал о том, что с погодой нам повезло – ночь предстоит звездная, без дождя и ветра, а значит, караул будет кайфовым.

В караулку мы прибыли часам к семи. «Шестьдесят шестой» резко затормозил перед зданием на небольшой бетонной площадке. В облаке поднятой им пыли появился часовой в каске и бронежилете и лениво прикрыл обтянутые сеткой-рабицей ворота.

– К машине! – скомандовал капитан Саморов.

Мы медленно выползли на волю из душного, словно парилка, кузова. Снаружи, наоборот, жара спала и теперь обдувал легкий прохладный ветерок. Изобразив некое подобие строя, мы выслушали короткий инструктаж. Впрочем, в нем давно уже никто не нуждался. Лично я за полтора года службы посещал это место уж и не упомяну сколько раз. Вид караулки, окружавшего ее сетчатого забора и зеленой стены леса за ним уже навевал какие-то привычные, я бы даже сказал, домашние чувства.

Караулку, насколько я знаю, выстроили не очень давно – лет пять назад, когда охрану объекта поручили нашему танковому полку. Это было одноэтажное здание из красного кирпича. Четыре окошка, обращенные к небольшой площадке для построений, изнутри плотно закрывали ставни. От остального мира внутренние помещения караулки отделял небольшой тамбур: чтобы войти, нужно было пересечь замкнутый с двух сторон железными дверьми трехметровый коридорчик. При этом наружную дверь всегда держали запертой изнутри, хотя за пять лет караулов не нашлось сумасшедших ее штурмовать. В самой же караулке имелся необходимый для жизни минимум помещений: раздевалка, кухня-столовая, комната для бодрствующей смены с креслами и журнальными столиками, в народе – бодрячка, а также для отдыхающей смены – с топчанами для сна, ну и туалет. Правда, последним пользоваться разрешалось лишь зимой, а летом, чтобы не чистить уборную, для этих нужд использовали лес, который начинался сразу за забором и тянулся на многие-многие километры во всех направлениях. Была еще в караулке сушилка, заваленная зимними бушлатами, рядом с которой в закутке жужжал генератор, обеспечивающий электроэнергией караульное помещение и периметр постов. Также отдельная комната предназначалась для начальника караула и его помощника, а между ней и бодрячкой стоял пульт для связи с постами и частью. В общем, это была полностью автономная база, в которой, в случае чего, можно запросто вполне цивилизованно жить годами...

Едва мы выбрались из машины, что-то меня насторожило. Поначалу я даже не понял, что именно, – вроде все как обычно. А потом сообразил, что не так: люди! Солдаты сменяющегося так называемого «старого» караула – парни из нашей части, как и повелось, побросав под забор автоматы, кто вольно сидел в курилке, кто спал на скатках в тени, иные шатались по территории, наводя порядок. На крыльце дремал часовой собачки, который не соизволил подняться, даже когда из караулки вышел его начкар. Вроде бы привычная обстановка. Вот только их взгляды – какие-то взволнованные, бегающие, я бы даже сказал, испуганные. У многих глаза красные, словно всю ночь не спали, хотя караулы там, как я уже сказал, славились тем, что солдаты на посту высыпались лучше, чем в казарме.

– Опять мы с Петровичем всю ночь квасили, – вместо «здрасьте» объявил подошедший к Саморову начальник старого караула, потирая похмельное раскрасневшееся лицо.

– Да, Петровичу с такой работенкой только и остается, что алкогольничать, – усмехнулся наш капитан, пожимая коллеге руку. – Чего это с твоими обмороками-то?

Саморов кивнул на сменяющихся караульных. Ага! Не только я это заметил!

– Чего они такие странные, будто зомби?

– Сам не знаю, – пожал плечами старый начкар. – Впервые такой хлопотный караул выдался. Три раза за ночь смену в ружье поднимал да на посты гонял – часовые от каждой тени шарахались, думали – нападение. Один и вовсе на пост отказывался заступать, пришлось арестом пригрозить. В отдыхаловке во сне постоянно кто-то вскрикивал. Говорят, кошмары снятся. Я их пуганул, мол, вообще спать не разрешу. Не помогло!

– Может, дряни какой некачественной накурились? – предположил Саморов.

– Может, и так... Да только мне тоже спалось хреново, – ответил старый начкар. – А я то точно ничего не курил. Только пил...

Какое-то время он молча смотрел в сторону виднеющихся вдали вышек.

– Признаться, достали меня уже эти караулы, – вздохнул старый начкар. – Тут только солдатам халява, а нам, офицерам, так одни проблемы. Того и жди, что опять какое-нибудь

ЧП случится. Ведь ни в одном наряде такого нет, как здесь! То суицидник какой – повесится, застрелится или вены вскрыет, то душара дембеля стрельнет. Взять статистику только за прошлый год. Три человека! Это не считая тех двоих, кого откачали. Тем более устав тут не рулит – далеко от части, а солдаты с автоматами разгуливают где хотят. Да что говорить, только три месяца назад отсюда труп увезли!

– Это ты про Маринского? – припомнил наш капитан. – Так ведь он не суицидник. Он сам в лесу в канаву свалился да шею себе свернул.

– В канаву не в канаву... А труп-то есть! Честно говоря, я и сам уже побаиваюсь сюда ездить. Спать тут ужасно – вечно снится всякая чепуха. Да и лес, признаться, вокруг какой-то странный, нехороший. Если бы не Петрович со своим бухлом, уж не знаю даже, как вообще бы тут дежурил. Мне как выпадает сюда заступать, ехать не хочется настолько, хоть рапорт на увольнение пиши.

– Слушай, может, тебе отпуск взять? – Саморов недоверчиво взглянул на его нервное опухшее лицо.

– Я не раз говорил: дался нам этот склад? – продолжал тот, не обратив внимания на слова капитана. – Да только нашему начальству, похоже, плевать. Охраняем не понять зачем...

– Склад числится за нашей частью, вот и охраняем.

– А может, там и сторожить-то уже нечего? Я вчера Петровичу говорю: чего в этом складе хранится-то? Что там такого ценного, что мы тут пятый год грязь месим? А тот молчит. Хоть и пьяный, зараза, но молчит! Партизан хренов...

– Может, нам замок сорвать да заглянуть внутрь, а? – Саморов заговорщически усмехнулся. – Уверен, никто даже не заметит.

– Ты серьезно? – Старый начкар заметно оживился. Похоже, он и сам не раз об этом подумывал.

– А что, пара бойцов с ломками тебе его в два счета вскроют...

И тут капитан осекся, видимо вспомнив о том, что мы все еще рядом – мнемся перед караулкой в строю и с интересом вслушиваемся в их диалог.

– Провин! – позвал Саморов.

– Я! – Женя вытянулся по стойке смирно.

– Веди личный состав в караульное помещение.

– Карау-у-ул!.. – начал Провин командирским голосом.

Да только строй уже и так рассыпался, и мы лениво побрели в караулку мимо багрового от злости старшего сержанта.

– Бодрствующая смена, принимайте караулку! – распорядился Агеев. – Те, кто идет на посты, не забудьте поесть! Вовка Роганин, помоги Шуру на кухню паек дотащить.

Роганин тут же бросился выполнять команду – вместе с Шуровичем стаскивать с кузова машины бак полевой кухни и коробки с сухим пайком. Провин зло сплюнул в пыль.

– Честно говоря, мне порой жаль Провина, – сказал Антон Трошников, поглядывая на помначкара. – Ему, должно быть, очень одиноко. Живет особняком, ни с кем не общается.

– Чё его жалеть-то? – пробурчал Эдик Драпко, потеряв кулак. – Он рядовым-то был уродом, а с лычками так вообще скурвился.

– Это потому, что мы принципиально слушаемся только Агеева, – возразил Антон.

– Нет, это потому, что Провин всех нас отстоем считает, – ответил Эдик. – Так почему мы к нему должны относиться иначе? Уверен: завтра подохни он – ни одна собака не пожалеет. Еще и спасибо скажет...

– Хотел бы я посмотреть, как собаки спасибо говорят, – усмехнулся я.

– А по-моему, мы просто ведем себя с Провиным как последние сволочи, – вздохнул Антон. – Вот если бы...

– Товарищи солдаты! – раздался вычурно командирский голос позади.

Мы оглянулись. Величественной походкой нас догонял предмет нашего спора – старший сержант Провин собственной персоной. Поджав губы, он окинул нас придирчивым взглядом:

– А ну-ка, построились!

– Чего?..

– Я сказал, смирно!

Мы растерянно подчинились.

– Трошников, чего это у вас бляха в районе паха болтается? – важно сказал помначкар. – Разве вы не знаете, как солдату положено затягивать ремень? Думаете, раз мы далеко от части, можно форму одежды нарушать?

– Да ладно тебе, Жека... – улыбнулся Антон, подтягивая ремень.

– Не Жека, а товарищ старший сержант! И пуговку верхнюю на кителе застегните! Вы что, рядовой, по возвращении в часть хотите на гауптвахту попасть за нарушение формы одежды? Так я вам устрою!

Улыбка исчезла с лица Трошникова. Провин по-отечески одернул на нем форму, сам застегнул ему пуговку и погрозил пальцем:

– Чтобы я больше такого не видел!

Взгляд помначкара скользнул по остальным, видимо ища, к кому бы еще придрататься, и остановился на Драпко. Эдик вызывающе вскинул подбородок, мол, «ну давай, предъяви мне что-нибудь!». Драпко был счастливым обладателем такого могучего торса, что Провин «предъявить» не рискнул – отвел глаза, повернулся и с надменным видом зашагал в караулку. Все-таки Эдика он до сих пор побаивался – помнил его кулаки с тех времен, когда еще был рядовым.

– Вот урод! – зло сказал Антон Трошников, снова расстегивая пуговицу и ослабляя ремень. – Меньше полугода как замкомзвода, а выпендривается, будто командир части...

Внутри караулки с мокрыми тряпками блуждали угрюмые солдаты сменяющегося караула – наводили порядок, готовя помещение к сдаче.

– Здорово, мужики! – воскликнул Трошников.

По нам скользнули равнодушные взгляды, и грязные тряпки снова заелозили по полу.

– Э, Витюха, ты чё такой вялый? Тебя словно всю ночь по сопкам гоняли в полном снаряжении...

Трошников тронул за плечо одного из надраивающих пол, но тот нервно сбросил его руку:

– Отвали!.. Антон, отвали, я сказал!

– Витек, что случилось-то?

Тот взглянул на Трошникова красными от бессонницы глазами. Видимо, хотел что-то ответить – явно резкое, но промолчал. Сказал лишь: «Удачно вам откараулить, пацаны» – и снова устался в пол. Антон пожал плечами и вернулся к нам.

– Видать, прав был начкар. Странные они сегодня какие-то...

Шурович с Роганиным, гремя баком, скрылись в столовой, и вскоре оттуда раздался крик:

– Новый караул, хавать!

– Ну что, пойдём пожрем, что ли? – сказал Антон. – Скоро мне на пост.

Помещение, гордо именовавшееся столовой, представляло собой маленький закуток пять на пять с электропечкой и двумя квадратными столами. На хавчик, как обычно, был овес.

– Звереныш, как ты можешь это жрать? – воскликнул Трошников, заметив, как я уплетаю ужин.

– А ты можешь предложить лучше?

– Лично меня от одного вида наизнанку выворачивает... – Антон с отвращением отодвинул тарелку.

– Но надо же что-то есть, – ответил я, продолжая невозмутимо ковырять ложкой склизкую кашу. – Ты просто не думай обо всем, как о дерьме. Тут все дело в самовнушении...

– Ой, только не надо опять своей дебильной философией нагружать. Один хрен, о чем ни думай, дерьмо останется дерьмом. И я его жрать не буду!

– Да ладно тебе. Вон на Быка посмотри. Он же хавает, и ничего...

Я кивнул на Сычева, который ложкой интенсивно загружал овес в свое ненасытное хлебало.

– Быку хоть настоящего дерьма дай – сожрет, – поморщился Антон. – Еще и добавки попросит.

Сережа Сычев, видимо уловив, что речь ведут о нем, на какое-то время перестал жевать, посмотрел по сторонам, потом быстро смел ложкой остатки каши и воскликнул:

– Шур, там хавки много?

– До фигища, – ответил дремлющий у плиты Шурович.

Сычев направился к баку за добавкой. Трошников еще раз с отвращением взглянул на свой ужин и тут же отвернулся.

– Кстати, Звереныш, меня ведь ты меняешь?

– Ну, – ответил я.

– Смотри не опаздывай, а то я, когда меня долго не меняют на посту, становлюсь сердитый. Будет как в том анекдоте: «Стой, стрелять буду!» – «Стою!» – «Стреляю!»

– Если промахнешься, тогда ты точно до конца службы из санчасти не вылезешь.

Я хрустнул костяшками пальцев.

– Я и так оттуда не вылезая, – усмехнулся Трошников.

– Да уж, косарь ты у нас известный!

Из коридора раздался вопль Провина:

– Первая смена, строиться!

– Что, уже на пост? – проворчал Трошников, бросив взгляд на наручные часы.

– Я сказал, строиться! – снова пронеслось по караулке.

– Вот разорался, хренов командир... – Антон поднялся из-за стола. – Одно радует: несмотря на лычки, жрать Провину придется такое же дерьмо, что и нам. А я б на месте Шуровича ему в тарелку еще и настоящего дерьма всыпал, чтобы он весь караул из сортира не вылезал.

Я не стал напоминать Антону, что не прошло и получаса, как тот пытался сочувствовать нашему гнусному помначкару.

В комнате бодрствующей смены Трошников нырнул в бронежилет, надел кепку, развернув ее козырьком назад, поверх нее напялил каску.

– Витек, помоги, пожалуйста, броник застегнуть, – попросил он Агеева.

Разводящий подтянул лямки на бронежилете. И вдруг настороженно уставился на лоб Трошникова:

– Офигеть, Антон! Что это у тебя?

– Чего там? – Трошников испуганно провел по лбу ладонью.

– Ты как каску-то надел?

– А что? – Антон быстро сорвал каску с головы, внимательно осмотрел ее.

– Как ты ее надел-то? – усмехнулся Агеев. – У тебя же голова квадратная, а каска – круглая!

– Вот гад! – воскликнул Антон. – Ну все, ты попал!

И они принялись колотить друг друга по броникам кулаками.

– Первая смена, становись! – скомандовал Провин, с нескрываемым презрением взглянув на это ребячество. – Стоп! Почему наших караульных двое?

– А что, разве должно быть три? – воскликнул Агеев с деланным удивлением.

– Прекратите, товарищ младший сержант! – рявкнул Провин. – Я спрашиваю, где третий? Кто еще с первой смены?

– Действительно, кто же у нас идет на посты? – хихикнул Агеев. – Ведь в обязанности помначкара, наверное, не входит запоминать фамилии подчиненных... Жека, а мы точно в части никого не забыли?

Какое-то время Провин с молчаливой яростью смотрел по сторонам, видимо перебирая в голове фамилии тех, кто ехал с ним в машине. Его растерянный взгляд даже на секунду задержался на Сереже Сычеве. Тот равнодушно жевал, уставившись в потолок, видимо, пережевывал остатки овсянки. Я стоял в дверях и наблюдал эту сцену, с трудом сдерживаясь, чтобы не захохотать.

– В последний раз спрашиваю: кого нет? – не выдержал Провин.

– Ну да, запомнить девять имен сослуживцев – это ж надо обладать феноменальной памятью! – продолжал ехидничать Агеев. – Спроси у начкара. Быть может, он знает?

Конечно же, спрашивать у начальника караула Провин не рискнул. Он нервно взглянул на часы. И вдруг лицо его просияло.

– Рядовой Гриненко! – сказал он, заметив меня.

– А я-то тут при чем? – воскликнул я, с досадой подумав: «Ну вот, сейчас найдет крайнего!»

– Сходите к пульту связи. Там лежит список караульных. Принесите мне!

Я с облегчением вздохнул: пронесло! – и пошел к пульту. Но едва успел сделать пару шагов, сполна насладившийся беспомощностью помначкара Агеев меня остановил:

– Зверек, лучше позови Шура. Он из первой смены.

Я метнулся на кухню.

– Не спи, Андрей, зима приснится! – растолкал я все еще спящего у плиты Шуровича. И на его сонный вопросительный взгляд добавил: – Ты в курсе, что твоя смена уже на постах?

Тот еще посидел какое-то время, непонимающе глядя на меня. Наконец суть сказанного дошла до его дремлющего сознания, и Шур что было сил рванул в бодрячку. Нетерпеливо дождавшись, когда Шурович облачится в боевое, Провин чуть ли не строевым шагом отправился звать начальника караула.

– Командир, блин! – сказал Трошников, передразнивая его походку.

– Колян, как караул-то прошел? – спросил Агеев у сменяющегося разводящего, который молча стоял неподалеку и настороженно исподлобья глядел по сторонам.

– Да глючно как-то, – после паузы ответил тот, потирая воспаленные глаза. – Всю ночь кошмары снились. На постах народу вечно какая-то дрянь мерещилась. Серегу Варшавина даже с караула снять хотели – ночью так переключило, что заявил: «Идите сами на свой хренов пост!»

– Чего это вдруг?

– Хрен знает... Утверждал, будто там кто-то пытался его убить. Только когда начкар неделей ареста пригрозил, пошел, да и то всю дорогу упирался. Убийца, говорит, в кустах прячется и меня ждет! Не поверишь, мы, когда с ним на пост пришли, полчаса кусты обшаривали, чтобы доказать этому обмороку, что там никого нет. Конечно же, никаких левых следов не нашли. Да только Серега все равно ни в какую – говорит, вот вы уйдете, он и выскочит. Я, честно говоря, в тот момент уже сам его убить был готов.

– То-то я смотрю, у вас все талые какие-то... – заметил Агеев. – А погода как?

– Отвратительная. То туман, то дождь. Может, вам больше повезет...

– Да вроде, пока ехали, солнце было.

– Вчера днем тоже солнце было, – хмуро ответил старый разводящий.

Капитан Саморов вышел наконец из своей комнаты, как обычно, толкнул речь о том, как и когда следует применять оружие – слабая попытка блюсти в карауле хоть какие-то пра-

вила, – и махнул рукой: «Выходи строиться на площадку зарядания». На улице он подождал, пока смена зарядит автоматы, сказал формальное: «Службу нести согласно уставу караульной и гарнизонной службы. Напра-во! Шагом марш!..»

– Что-то Петровича не видать... – вздохнул капитан, провожая взглядом пятерых человек с автоматами, и достал сигарету. – Да уж, без самогона Петровича тут тошновато.

Агеев вернулся минут через сорок, а вместе с ним пришла последняя смена старого караула. Я в этот момент сидел в курилке. Вернувшиеся с постов караульные разрядили автоматы и устало опустились рядом со мной на лавки.

– Неужели все это скоро кончится?.. – хмуро заявил разводящий.

Больше никто не сказал ни слова. Достали сигареты, закурили, не поднимая глаз. Помню, глядя на своих угрюмых сослуживцев, я подумал: что такого могло случиться за последние сутки? Ведь я видел вчера, как они уезжали: с шутками, смехом, довольные. И вот сидят, бледные и хмурые, какие-то перепуганные, молчаливые, а если и говорят, то лишь об одном: скорее бы уехать отсюда как можно дальше.

Метнув окурочек в пепельницу, я вернулся в караулку. И вошел в нее в тот самый момент, когда начальник старого караула нетерпеливо торопил нашего капитана:

– Ну что, давай отзвонимся в часть, да мы поехали. Пора уже.

Вид у него при этом был не лучше, чем у подчиненных.

– Что ж, звони, – ответил Саморов.

Старый начкар быстро пошел к пристроенному у стены пульту с тремя переключателями и лампочками, около которых были приклеены бумажки с циферками «I», «II», «III» – номера постов. Там же лежала трубка для связи с частью. Он схватил ее заметно дрожащей рукой.

– Товарищ майор? – воскликнул он, едва услышав голос дежурного по части. – Старший лейтенант Пестряк караул сдал!

И поспешно передал трубку нашему начкару.

– Товарищ майор, капитан Саморов караул принял, – неторопливо подтвердил тот.

Трубка легла на место. Сменившийся начкар при этом вздохнул с таким облегчением, словно избежал смертного приговора.

– Ну все, давай, – сказал он, неожиданно повеселев, и пожал капитану руку. – Счастливо откараулить!

Он было направился к выходу, однако у двери замешкался.

– Знаешь, – неуверенно сказал он капитану, – если кому-то из твоих бойцов... ну или тебе самому покажется, что... ну, это...

– Что покажется-то? – весело спросил Саморов.

На лице старого начкара на мгновение появилось прежнее испуганное выражение. Но, видимо так и не подобрав слов, он махнул рукой:

– А, не бери в голову!

И скрылся за дверью. Мы вышли следом за ним на улицу. Старый начкар поспешно забрался в кабину «шестидесят шестого», того самого, на котором приехали мы. Заурчал двигатель, машина развернулась. Старлей высунулся в окошко, с улыбкой козырнул Саморову. В кузове мелькнули довольные солдатские лица, и за удаляющимся ГАЗом захлопнулись обтянутые сеткой ворота. В общем, как и положено, примерно в половине девятого вечера старый караул отбыл обратно в часть.

– Товарищ капитан, разрешите обратиться, – спросил у капитана Саша Рыбалкин.

– Ну, попробуй, – ответил Саморов, окидывая солдата насмешливым взглядом.

– Можно второй смене отбиться?

– Можно, Рыбалкин, Машку за ляжку да козу на лозу!

– Я хотел сказать «разрешите», – поправился тот.

– А ты, боец, спать, что ли, хочешь?

– Так точно, хочу.

– Ну, запиши в блокнотик, на гражданке доспишь. – Капитан усмехнулся. – Ладно, иди отбивайся.

– Вторая смена, отбой! – радостно прокричал Рыбалкин.

По пути в комнату для отдыхающей смены он с удивлением заметил, что я уселся в кресло в бодрячке и достал книгу.

– Звереныш, ты чего? Пойдем лучше спать. Ведь скоро на пост.

– Иди, – отмахнулся я, не отрываясь от чтения.

Рыбалкин вырвал книгу у меня из рук и прочел на обложке:

– «Царство сказочных грез», Игорь Сорог...

– Дай сюда! – Я отобрал книжку. – Ну вот, захлопнул!..

– И охота тебе, Зверек, на ночь глядя про монстров книжки читать?

– Чё пристал? – сказал я, разыскивая нужную страницу. – Что хочу, то и читаю. Мое личное время.

– Короче, ты спать пойдешь? – Рыбалкин постоял немного и махнул рукой. – Ну, как знаешь...

Я дочитал до конца главу и взглянул на часы. Да, на сон и правда оставалось совсем немного времени. «И книгу, жаль, на пост с собой не взять – стемнеет уже, – с сожалением подумал я. – Хотя... Если сесть под фонарный столб...» Я сунул книжку в кирзовый сапог и поплелся за Рыбалкиным. В комнате отдыхающей смены впотымах на ощупь разыскал свободный топчан и лег, накрывшись шинелью.

Едва задремал, что-то меня разбудило. Я вскочил, решив, что уже поднимают смену, хоть мне и показалось, что не проспал и минуты. Посмотрел по сторонам. В темноте разглядел – моя смена, а также разводящий спокойно похрапывают на топчанах. Показалось? Я хотел уже снова завалиться спать, но вдруг кто-то застонал. Я снова вскочил, с тревогой прислушался. Опять раздался тихий стон, кашель. В принципе народ у нас всегда спал беспокойно, многие даже болтали во сне. Дело обычное. Я было снова опустился на топчан, да только в памяти, как назло, вдруг всплыли монстры из «Царства сказочных грез». Прав был Рыбалкин – нечего ужастики на ночь глядя читать... Да только спать-то расхотелось! Тем более в темной отдышаловке.

«Ну вот, считай, поспал», – разозлился я на себя и пошел в светлую комнату для бодрствующей смены. Очутившись в кресле, я не смог придумать иного занятия, как снова уткнуться в книгу.

Зазвонил телефон. Я продолжал читать. Телефон не умолкал.

– Да возьми же ты трубку! – не выдержал я.

И тут заметил: кресло у пульта, где обычно дежурит караульный, пусто. Подбежав к пульта, я схватил трубку:

– Караульное помещение!

– Фо-о-о... бли-и-изко-о-о... – раздался шепот. Такой жуткий, что по коже пробежали мурашки.

– Эй, там, на посту! Кто прикалывается? – проворчал я, чувствуя, как холодеет в жилах кровь. – Трош, это ты?

Я взглянул на пульт и вдруг понял, что ни одна из лампочек не горит, а все тумблеры опущены – связи с постами быть не должно!

– Бли-и-изко-о-о... – снова раздалось в трубке.

При этом у меня возникло ощущение, будто на том конце провода шепчет целый хор голосов.

– Да пошли вы! – Я швырнул трубку обратно на пульт.

Только теперь я заметил, что в караулке подозрительно безлюдно. Нет бодрствующей смены, которая обычно дремлет в креслах, делая вид, будто читает устав. Не раздастся позвякивание посуды из столовой, где Вовка Роганин должен мыть ее после ужина. Я осторожно заглянул в комнату начальника караула – и там пусто!

И вдруг по коридору прокатился такой жуткий вопль, что я в мгновение распахнул пирамиду с автоматами и трясущимися руками принялся разыскивать свое оружие. Заверещала сирена сигнализации. Я нашел-таки свой автомат, схватил его и закрыл дверцу пирамиды. Одновременно с ее хлопком сирена оборвалась. Пристегнув к автомату магазин, я замер, вслушиваясь во внезапно навалившуюся тишину. Мысли сбились в кучу. Первая: на караулку напали террористы, всех убили, а я чудом выжил! Вторая: всех сожрали монстры из «Царства сказочных грез»! Я даже сообразить не мог, что страшнее.

Сняв автомат с предохранителя, я осторожно выглянул в коридор. Никого! Скрипнула дверь, да так внезапно, что я чуть не пальнул от неожиданности. Хорошо, патрон не досылал. Преодолев несколько неуверенных шагов по коридору, я выглянул из-за угла и увидел, что входная дверь в караулку в конце коридорчика-тамбура распахнута и колышется на ветру. А ведь она обычно заперта изнутри и на улице около нее дежурит часовая!

– Смена, подъем! – закричал я и что было сил рванул в отдышаловку. – Подъем, вторая смена!

Я ударил по выключателю, но свет не зажегся. Тогда, оставив дверь открытой, я принялся тормошить первого попавшегося спящего, с головой укрытого шинелью.

– Вставай же!..

Я резко сорвал с него шинель и отпрянул. Выпученными глазищами на меня тарасился мертвец. В узкой полоске света, падающей сквозь щель приоткрытой двери, я увидел окровавленное лицо, изуродованное настолько, что стало невозможно узнать, кто это. Губы мертвеца дрогнули.

– Фо-о-о... бли-и-изко-о-о...

И вдруг кто-то схватил меня за руку...

Я подскочил на топчане, лихорадочно срывая с себя шинель.

– Эй, ты чё орешь? – раздался строгий знакомый голос.

Я растерянно уставился на склонившийся надо мной в темноте силуэт. «Провин!» – наконец догадался я. Взгляд скользнул по сторонам. На соседних топчанах восседали Рыбалкин и Агеев и, с улыбками поглядывая на меня, натягивали сапоги.

– Чё, плохо спится, товарищ рядовой? – как всегда в своей пафосной манере заявил Провин. – Так вообще спать не будете. Короче, подъем! Через десять минут построение.

Я смахнул холодный пот со лба. Неужели сон? Потянулся за сапогами.

– Говорил я тебе, Зверек, не читай всякую гадость перед сном! – Рыбалкин ткнул меня кулаком в бок. – Хотя, честно говоря, мне тоже всякая чушь снилась...

Глава 2

«Уходите отсюда!»

Мы лениво выползли из караулки. Солнце уже подкатило к сопкам, и небо на западе пылало красным заревом. Замершие в безветрии деревья больше походили на декорации. Мы нехотя поплелись к пулеулавливателю – металлическому щиту в углу площадки. То, что такие сооружения в караулках стоят не зря, говорила россыпь выбоин на щите. Где-то год назад с поста пришел сонный Шурович и перед тем, как отстегнуть от автомата магазин, передернул затвор и сделал контрольный спуск. Когда грянули выстрелы, он с перепугу вцепился в гашетку и чуть ли не полмагазина разрядил в пулеулавливатель. За сию оплошность Андрюха Шур суток десять отсидел на киче, а начкары с той поры тычут пальцами в пулевые ямки и назидательно вещают бойцам, насколько важно в карауле соблюдать правила.

– Заряжай! – скомандовал Агеев.

– А чего командуешь ты, Витек? – спросил Рыбалкин, водрузив автомат на сваренную из металлических труб раму перед пулеулавливателем. – Начкар где?

– Спит, – ответил я за разводящего. – Высыпается перед Петровичем.

– Вообще халявный тут караул, – с улыбкой сказал Вовка Роганин, пристегнув магазин. – Никаких тебе проверок, вводных, зубрежек устава. Не то что в части...

– Хватит болтать! – Агеев зашагал к калитке, по пути бросив: – Смена, за мной!

Мы, закинув автоматы за спины, не спеша поплелись следом.

– Эй, на собаке! – обернулся Рыбалкин. – Калитку закрой, убийца!

Сидящий на крыльце Слава Бабин приподнял край каски, на которой было нацарапано «Killer». Оторвать зад от ступеньки он не счел нужным.

– Витек, только давайте быстрее! – крикнул Бабин, усаживаясь поудобнее. – А то я тут уже задолбался стоять.

– И это ты называешь «стоять»? – усмехнулся Агеев.

Когда миновали калитку, Рыбалкин юркнул в кусты и вынырнул оттуда с гитарой.

– Ты охренел? – рявкнул Агеев.

– Я тихонько. Честно. На посту скукожица.

Разводящий покачал головой, сплюнул и побрел вниз по склону по вытоптанной за годы караулов узкой дорожке. Мы – следом. Вдали виднелся раскинувшийся по сопкам периметр ограждения из двух рядов колючей проволоки, между которыми тянулась отсыпанная песком дорожка. До ближайшего поста от караулки идти предстояло всего метров пятьсот. Он располагался почти у самых ворот внешнего ограждения. Вышки двух других постов стояли в дальних углах периметра: одна справа в самой низине, вторая – левее на сопке. Дорожка издали походила на светлый покореженный обруч, внутри которого едва проглядывалась серая заросшая травой и кустарником кирпичная коробка охраняемого нами склада. Справа от периметра между холмов сверкала узкая полоска реки, за ней синели поросшие лесом сопки.

– Что-то часовой молчит, – заметил Агеев, открывая ворота.

– Может, поближе подпускает? – предположил я.

От ворот до вышки оставалось метров семьдесят, и мне показалось, что часового там вообще нет. Мы неспешно пошли дальше, однако нас так никто и не окликнул.

– По-любому спит, мудила, – зло сказал Агеев. – Кто на посту, Шурович? И почему я не удивлен? Ну, я ему сейчас...

Мы подошли к вышке... но та оказалась пуста!

Я почувствовал, как к горлу подкатил ком. В памяти тут же всплыл недавний сон. А вдруг вещей? Я на всякий случай снял автомат. Конечно, по уставу, когда идет пересменка, и

так положено выставлять часового для временной охраны и наблюдения, но мы обычно этим правилом пренебрегали – проверок ведь нет. Да и от кого охранять-то? Тайга кругом.

– Звереныш, да чё ты напрягаешься? – сказал Агеев, глянув на мой автомат. – По-любому этот крендель где-нибудь в кустах завалился... Шур! Ты где, обморок? Най-ДУ – убью!

И разводящий принялся пинать окрестные кусты. Да только Шурович так нигде и не обнаружился. Я заметил, что уже и Агеев начал нервничать.

– Может, он наверху завалился? – предположил Рыбалкин, обходя вышку. – Точно, вон же он!

Действительно, наверху из-за железного бортика вышки виднелся краешек каски. Агеев облегченно вздохнул.

– Шур! – закричал он. – Проснись, придурок!

Но даже после того, как вышку несколько раз пнули, отчего та загудела, словно груды металлолома, и обкидали камнями, каска даже не шелохнулась.

– Ну, я полез, – сказал Агеев и, перекинув лямку автомата через голову, пошел к лестнице.

– Как вы по ним взбираетесь? – причитал разводящий, перескакивая через дыры недостающих ступенек. – Она же вот-вот рухнет...

Добравшись до верха, он распахнул дверцу, заглянул внутрь и сразу же отпрянул, вскрикнув:

– О господи! Шур!..

У меня бешено забилося сердце. Палец лег на предохранитель автомата и перевел в боевое положение.

– Витек, что там? – встревожился Рыбалкин.

Агеев посмотрел вниз, явно довольный произведенным эффектом.

– Шучу! – сказал он.

После чего многозначительно кивнул, мол: «Ну, что я говорил?» Потом взгляд его устремился внутрь вышки, и на веснушчатой физиономии младшего сержанта возникла садистская улыбка. Он осторожно взял автомат Шуровича, занес его над головой, и через мгновение раздался глухой удар приклада о каску. Шур подскочил, ошарашенно глядя по сторонам. Он еще толком не понял, что произошло, а уже затараторил сонным голосом:

– Я смену ждал... пятнадцать минут осталось... сам не знаю, как так вышло...

Агеев с двумя автоматами спустился на землю, следом слез заспанный, угрюмый Шурович. Он было протянул руку за своим оружием, однако разводящий не отдал. Наоборот, Агеев отступил, перехватил трофейный автомат под мышку, а ствол направил на горе-часового.

– Ну что, пойдём! – сказал он.

– Куда? – Шурович захлопал глазами.

– Куда-куда... Сдаваться к начкару.

– Витек, ну чё ты гонишь? – снова затараторил Шурович. – Я смену ждал... Честное слово! Пятнадцать минут оставалось...

– Иди-иди...

Шурович засеменял впереди, оборачиваясь на каждом шагу и причитая: «Витек, да не гони... Я же смену ждал...»

Я тихонько, чтобы никто не заметил, вернул предохранитель автомата в исходное положение, дав себе зарок больше вообще никогда не читать ужастиков. «А чего я ожидал? – вертелась мысль. – Что Шуровича сожрали какие-то монстры?» Я набросил автомат на плечо и побрел следом за сменой. Роганин остался на посту, пробормотав нам вслед:

– Пост принял!

Пройдя метров десять, Агеев все же вернул Шуровичу автомат, пообещав, что в следующий раз, если тот будет так крепко спать, проснется на гауптвахте.

Второй пост располагался метрах в двухстах от первого в самой низине между сопок. Антон Трошников ждал смену у вышки.

– Чего молчишь? – спросил Агеев, когда мы подошли.

– Стой, кто идет, – лениво ответил тот.

– Раздолбай! – вздохнул разводящий. – Почему не на вышке?

– А так быстрее сменишься.

– Эх, еще по одному гауптвахта плачет...

– Как стоится, «живой труп, завернутый в тулуп»? – спросил я, стукнув Трошникова кулаком по бронику.

– Да ничё, нормально. Тепло и комфортно, – ответил Антон, вынимая из кармана бронжилета телефонную трубку. – На, держи. Пост сдал.

– Принял, – ответил я, пряча трубку к себе в карман.

– Ночь наступила, так что дальше службу нести патрулированием. В курсе, да? – сказал мне Агеев. – Как совсем стемнеет, не забудь включить освещение. Ну все, давай. Счастливо.

Смена отправилась дальше. Я проводил взглядом взбирающиеся на сопку четыре силуэта, которые постепенно таяли в надвигающихся сумерках. «Патрулированием так патрулированием...» – подумал я и пошел в свой излюбленный окопчик. Я лег на мягкий дерн, автомат и каску пристроил рядом. Сорвав травинку, сунул ее в рот и, положив голову на бруствер окопа, с наслаждением посмотрел в матовое, отливающее краснотой небо с замершими, словно на картине, похожими на клочки розового тумана облаками. Округу заполнили лишь стрекот сверчков, редкие покрики птиц, легкий шелест листвы да едва уловимое журчание далекой реки. Закат быстро угасал над сопкой, заливая пурпуром верхушки деревьев. «Всю жизнь бы так лежал. Не то что в душной казарме. Вот сейчас бы красавицу Ладу сюда – и вообще рай...»

– Если нет голоса – пой душой, если нет слуха – слушай других... – распевно понесся над постами знакомый голос под гитарный аккомпанемент, усиленный чашей из сопок, как огромным динамиком.

«Рыбалкин, придурок! Начкар услышит – прибьет, – засыпая, подумал я. – А все-таки петь у него здорово получается...»

Проснувшись, я обнаружил, что уже стемнело. От недавнего закатного зарева у черной сопки осталась лишь узкая огненно-красная полоска, а небо начало мерцать ранними звездами. Первый и третий посты уже сияли по периметру фиолетовыми огнями фонарей. Я выбрался из окопа, съжившись от ночной прохлады, подошел к столбу и повернул тумблер на щитке. Фонарь над головой стал медленно разгораться.

Посмотрел на часы – 11:05. Вернувшись к окопу, я напялил каску, взял автомат и побрел по периметру. Дойдя до столба с точкой связи, вынул трубку, воткнул штекер в разъем. После недолгого треска в трубке раздался сонный голос Шуровича:

– Караульное помещение.

– Второй пост, проверка связи.

– Отключайся.

Я сунул трубку обратно в нагрудный карман.

И тут что-то меня насторожило. Взгляд тревожно метнулся по черной непроглядной стене леса за ограждением, затем по светлой, посыпанной песком дорожке, застилаемой легким туманом. Что-то не так! Прислушался. Действительно, откуда-то раздавался едва уловимый шум – такой, как если бы выпускали воздух из батарей. В голове мелькнула мысль, что до ближайшего населенного пункта – почти вымершей деревеньки Речки – около пяти километров. Кто тут может быть? Хотя, возможно, просто на болотах какой-нибудь газ выходит. К тому же в окрестности часто бродят залетные рыбаки-охотники. Мало ли кто или что шумит...

Да только меня вдруг поразил новый факт. Какие, на хрен, охотники и болота? Ведь шум раздается со стороны склада! Может, Петрович?..

Это был единственный человек, который, как говорят, за последние пять лет подходил к складу. И он же, похоже, единственный знал, что хранилось в этой кирпичной не имеющей окон коробке, которую мы охраняли. Мы же о ее содержимом строили разные домыслы, правда, ни на чем не основанные и ничем не подтвержденные. Офицеры неоднократно под самогонку пытались выпытать у Петровича: что там? И им это часто удавалось. Однако, как потом выяснилось, смотритель склада каждый раз сообщал разные факты: то говорил, что там хранится оружие времен Великой Отечественной, то – провизия на случай атомной войны, то – секретные документы. Хотя чаще он просто с загадочным выражением лица уходил от ответа, типа военная тайна. В общем, даже по пьяни из Петровича не вытянули ни одного слова правды. Он только еще больше всех запутывал и нагнетал интерес. Некоторые решили: Петрович и сам не знает, что там, оттого и канифолил людям мозги. Ведь за пять лет караулов ворота склада ни разу не открывались – даже невооруженным глазом было заметно, насколько поросли они травой и кустарником.

В чем заключалась работа Петровича? Он каждый день заходил на территорию, с важным видом прогуливался вокруг склада и уходил, опечатав ворота внутреннего ограждения. И все! Похоже, хранитель склада просто изображал видимость работы, чтобы начальство знало – он исправно несет службу и не задаром жрет казенные харчи. Признаться, Петрович мог бы даже этого не делать – уверен, никто бы и не заметил. Ведь, как я уже сказал, всем давно уже было наплевать на этот склад. И все же не было дня, чтобы хранитель не совершил обход.

Жил Петрович за счет караулов. С каждой новой сменой ему из части привозили провизию. Кстати, я слышал, как-то один офицер навел справки и выяснил, что на балансе нашего полка Петрович не числится. Выходит, кормили его, скорее, из жалости! Активно обсуждался вопрос, откуда вообще взялся Петрович и как попал на эту должность. Никто даже из старослужащих офицеров его появление вспомнить не мог. Ходили слухи, что Петрович заведовал этим складом еще до того, как мы стали его охранять – с тех пор, когда тут неподалеку располагалась воинская часть. Когда же ее расформировали, Петрович почему-то остался.

Сам Петрович все эти слухи не опровергал, но и не подтверждал. Он просто жил где-то в лесу неподалеку, каждый день приходил прогуляться вокруг своего склада и часто, видимо, от скуки поил начальников караула, а иногда тайно – даже солдат. Благо со спиртным у хранителя склада проблем не бывало. Он гнал отменный самогон – во многом благодаря начкарам, которые заботились о своевременном снабжении Петровича сахаром и дрожжами. Еще бы, ведь пьянки с Петровичем для офицеров были единственным развлечением в этом скучном карауле. В общем, к Петровичу все привыкли, и сейчас, наверное, караул без него был бы не караул...

Я продолжал блуждать вдоль колючей проволоки, настороженно прислушиваясь. Шум не прекращался, а, казалось, становился громче. Ощущение складывалось такое, будто в районе склада кто-то выпускает из баллонов газ или с очень сильным напором течет вода. Я силился разглядеть источник звука, но там, где обрывалась граница света фонаря, царила беспроглядная тьма.

«Да, наверное, все-таки Петрович чудит», – успокоил я себя, хоть и не видел причин, с чего бы тому торчать возле склада ночью.

Посомневавшись немного, стоит ли звонить из-за этого в караулку, я решил зря суету не поднимать – они ведь сразу смену «в ружье» поднимут. Лучше сначала с кем-нибудь посоветоваться.

– Саня! – шепотом позвал я. – Эгей, Рыбалкин!

Тот, приподнявшись на локтях, выглянул из травы.

– Зверек? Чего тебе?

– Подь сюды.

– Ну, чё? Говори так. Мне вставать ломы.

– Прислушайся!

Рыбалкин приподнял надвинутую от комаров на уши кепку, прислушался.

– И чё дальше?

Я прислушался тоже. С третьего поста этих звуков слышно не было.

– По-моему, там кто-то есть, – наконец заявил я, указав за колючую проволоку.

– Где?

– У склада. Я слышал какой-то шум на территории...

Рыбалкин посмотрел сначала на склад, затем на меня, как на идиота, а потом захохотал:

– Ну, ты глюкуешь, Зверек. Тебе чё, не спится?

– Вот ты достал, – настаивал я. – Ну что я, врать буду?

– Кто тебя знает? Нехрен всякую дрянь на ночь читать.

– Да пошел ты!.. – Я повернулся и побрел обратно на свой пост.

Рыбалкин посмотрел мне вслед и снова упал на траву. Высокая полынь полностью скрыла его, и оттуда раздался громкий храп.

Вернувшись на свой пост, я теперь бродил постоянно настороже. Однако ничего подозрительного больше не слышал. Более того, теперь мне казалось, что вокруг вообще пропали все звуки. Даже шорох листвы и стрекот сверчков затихли. Природа словно замерла... Замерла в ожидании чего-то зловещего, подстерегающего во мраке!.. Тьфу ты! Чтобы я еще раз взял в руки эту дурацкую книжку!.. Да и вообще, читаю ее только из-за Лады!

– Эй, солдат...

Шепот раздался так внезапно, что я аж подскочил от неожиданности. Автомат мигом оказался в руках. Взгляд метнулся по сторонам, но, так как я стоял под фонарем, вокруг видел лишь мрак. Я отбежал в темноту и крикнул:

– А ну, стой! Стрелять буду!..

– Я стою, стою. Не стреляй.

Судя по голосу, говорил не то ребенок, не то девушка. Я посмотрел в ту сторону и разглядел у ограждения темный силуэт. «Склад за спиной, значит, не на территории», – мелькнула мысль. И от этого стало спокойнее.

– Ты кто? – спросил я почему-то тоже шепотом.

– Я только предупредить хотела. Не надо стрелять...

– Подойди к фонарю! – приказал я, не сводя с силуэта прицел.

Фигурка переместилась на свет. Все-таки девушка! Голову ее покрывал темный платок, который она тут же сняла, рассыпав по плечам длинные волосы. Я поначалу даже опешил, настолько милым оказалось ее личико. На вид ей было лет шестнадцать, хотя, возможно, так казалось из-за ее небольшого роста. Девушка куталась в длинный серый плащ, смущенно переминаясь с ноги на ногу под моим взглядом. «Наверное, из деревни», – решил я, мысленно прикинув, что в ближайшей деревне Речки из населения, небось, остались лишь три старухи, которые не захотели покинуть ее еще с советских времен. Может, внучка чья-то? Хотя далеко до деревни-то...

– О чем ты хотела предупредить? – спросил я.

– Уходите отсюда!

– Куда же я уйду? – Какая наивная. – У меня пост, служба...

– Уходите отсюда, очень прошу, – сказала она, и в голосе ее была искренняя мольба. – Вам нельзя тут быть, когда придет... – Девушка насторожилась.

– Придет кто?

Вдруг она побежала, быстро накинув на голову платок, и скрылась в лесу. В тот же миг позади меня раздались шаги. Я оглянулся и увидел, что по дорожке к посту спускается смена.

– Стой, кто идет? – окликнул я.

– Да ладно, расслабься, – сказал Агеев, позади которого шли Леха Волков, Слава Бабин и уже сменившийся с первого поста Вовка Роганин. – Начкар спит. Злой, правда. Петрович чего-то сегодня не пришел... Да расслабься, я говорю!

Я заметил, что все еще держу автомат на изготовку и дуло смотрит прямиком на разводящего. Я тут же закинул оружие за спину.

– Все в порядке? – спросил Агеев. – Какой-то ты странный.

– Я слышал какие-то звуки на территории. Как будто шум воды. А еще... – Я хотел добавить про девушку, но решил промолчать. Тут же обвинят, мол, действовал не по уставу: мало того что не сообщил об этом в караулку, да еще и болтал на посту с посторонними. Однако выражение лица Агеева на мой доклад красноречиво отвечало: «Да, на посту порой еще и не такое мерещится...» Я настаивать не стал.

– Ладно, пойдем, – сказал Агеев.

И смена отправилась дальше вверх по склону к третьему посту.

– Пост сдал, – бросил я по пути.

– Принял! – крикнул нам вдогонку оставшийся у вышки Леха Волков.

Всю дорогу до третьего поста я поглядывал за ограждение, надеясь снова увидеть ту девушку. «Кто она? Откуда? – вертелось в голове. – И что это было за предупреждение?» В полумраке я не смог хорошо разглядеть ее лицо, но фантазия тут же дополнила недостающие прелести, и в мыслях я уже видел богиню. И теперь мне все больше казалось, что она похожа... на Ладу.

– Мужики, я понимаю, караул халаявный, но хоть какие-то приличия соблюдать надо, – сказал Витя Агеев, когда мы подошли к вышке третьего поста. – Вот где Рыбалкин, например? По-любому спит где-нибудь в кустах, зараза!

– Он в том окопе, – сказал я, вспомнив, где не так давно видел приятеля.

Рыбалкин действительно оказался там. Он не спал. Он сидел, обхватив колени руками, сжавшись, словно от холода. Бронежилет, автомат, каска и гитара валялись неподалеку.

– Ты, я смотрю, вообще обнаглел, – воскликнул Агеев. – Да еще и броник снял!

Рыбалкин посмотрел на него так, словно увидел впервые. Теперь стало заметно, что часового бьет крупная дрожь, а взгляд его бегаёт, словно у сумасшедшего.

– Рыбалкин, с тобой все в порядке? Это я – младший сержант Агеев! Ладин! Помнишь такого?

Взгляд Рыбалкина прояснился, он ошарашенно посмотрел по сторонам и, казалось, с трудом понимал происходящее. Наконец он встал, поднял броник и каску. Забросил автомат на плечо.

– Да он обкурился, наверное, – усмехнулся Бабин. Он подошел к Рыбалкину и помахал ладонью у него перед глазами. – Э-э-э, мулик! Очнись!

– И штык не забудь, – сказал я.

Рыбалкин как-то странно взглянул на валяющийся в траве штык-нож, будто что-то припоминая.

– А что, комбат приехал? – растерянно спросил он.

– С чего ты взял? – удивился Агеев.

Рыбалкин пожал плечами и, промямливая: «Пост сдал», поплелся к воротам, даже не вспомнив о том, что в кустах осталась его любимая гитара.

Желтый луч фонарика скользил по тропинке, выхватывая из ночного мрака дрожащую на ветру траву. Погода начала портиться. Всю дорогу до караулки мы шли молча, каждый думал о своем. Складывалось впечатление, будто каждый на посту увидел нечто такое, о чем

не хотел говорить. Я же не переставал думать о той незнакомке. Кто она? Интересно, увижу ли ее еще раз?

Сквозь заросли кустарника замелькал огонек фонаря караульного помещения. Часовой собачки распахнул перед нами калитку.

– Признаться, я на посту глюковал по-черному, – наконец сказал Вовка Роганин. – Все казалось, будто следит за мной кто-то из леса. Там овражек на первом посту есть. В курсе? Такое ощущение было, словно стоял там кто-то...

– А это был парень или девушка? – осторожно спросил я.

– Да фиг его знает. Далеко было, – ответил Роганин. – Сначала мне вообще показалось, что это наш комбат.

При слове «комбат» Рыбалкин вздрогнул, но не проронил ни слова.

– Слушай, а звуков ты никаких не слышал? – допытывался я. – Ну, вроде как из баллонов воздух выходит или шум воды?

– Нет, не слышал. Что, Зверек, тоже глюки? Вообще, правы были пацаны – глюковый какой-то караул.

– Ага, – тихо подтвердил Рыбалкин. – Глюковый.

Мы разрядились у пулеулавливателя.

– Оружие в пирамиды, – повелел Агеев и пошел к караулке.

В дверях он столкнулся с Провиным. Тот вышел вразвалку, но, увидев нас, выпрямился, одернул форму, как на параде.

– Как служба, товарищ сержант? – спросил он Агеева. И тут же с усмешкой добавил: – Ах, извини, оговорился. Младший сержант. Тебя же разжаловали!..

– Нормально, Жека, – ответил Агеев. И, наклонившись к уху Провина, прошептал: – Разжаловали... Смотри, как бы с тобой чего похуже не случилось. – И разводящий, оттолкнув плечом помначкара, прошел в караулку.

Лицо Провина исказила бессильная злоба. Его взгляд метнулся по сторонам – на ком бы отыгаться?

– Почему лямки на бронежилете расстегнуты? – с ходу накинулся он на Рыб ал кина.

Тот промолчал.

– Я вас спрашиваю, товарищ рядовой!

– Так удобнее, – тихо ответил Рыбалкин.

– Удобнее так, как по уставу! – завопил Провин.

– Да пошел ты на хрен, товарищ старший сержант, – процедил сквозь зубы Рыбалкин и прошел мимо.

– Товарищ рядовой, стоять! Рыбалкин, пока «Устав гарнизонной и караульной службы» наизусть знать не будете, про сон забудьте! Вы меня поняли? – прокричал ему вслед побагровевший от злости помначкар.

Рыбалкин захлопнул дверь. Провин с самодовольной улыбкой направился к калитке.

– Вот чертило! Пока мы по сопкам грязь месили, он в отдышаловке храпака давал, – сказал Роганин, проводив помначкара злобным взглядом. – За территорию караулки только поссать и выходит. Чтоб его там волки съели!

Мы сели в курилке. Роганин достал папиросу, прикурил, глубоко затянулся и передал мне. Я впустил в легкие горячий терпкий дым и выпустил в черное небо сизое облачко. Молчали. Я сидел, облокотившись о холодную стену курилки, но мыслями я был далеко. Я снова думал о Ладе... Лада! Ее ведь на самом деле не существует! Это вымысел! Не могу же я всю жизнь гоняться за призраком...

Мысли мои прервал треск веток. Я посмотрел в том направлении, и мне показалось, что за ограждением между листвой мелькнула какая-то тень. Я вспомнил, что туда по нужде ушел

Провин. Спустя минуту треск повторился – словно кто-то продирался сквозь бурелом. Может, этот подонок заблудился?

– Чего тебе? – раздался из темноты удивленный голос Провина.

А потом вдруг затрещали ветки, будто кто-то рухнул в кусты. Я подбежал к калитке, прислушался. Из чащи донесся тихий стон. Меньше всего мне хотелось помогать поскользнувшемуся на каком-нибудь дерьме помначкару.

– Чего там? – спросил Роганин.

– Так, показалось, – ответил я и, бросив сквозь решетку окурок, пошел в караулку.

Глава 3

Нападение

Снова очутившись в кресле бодрячки, я вспомнил про книгу. Она все еще была в сапоге. Я сначала раскрыл ее на закладке, но передумал – вернулся почти в самое начало и принялся просматривать абзац за абзацем. Вот, нашел! «...Лада макушкой едва достигала плеча своего отца, за что тот называл ее „крохой“. Необычайно длинные светлые волосы она не сковывала заколками и резинками, и те всегда свободно рассыпались по плечам. Голубые глаза Лады постоянно сияли таким задором и жизнерадостностью, что тем, кто смотрел на нее, казалось – эта девочка не знает, что такое слезы...» Кстати, какого цвета были ее глаза?

Я перечитывал описание внешности Лады множество раз и сам не заметил, как задремал. Телефонный звонок раздался настолько внезапно, что я аж подскочил, выронив книгу.

– Караульное помещение, – сказал в трубку дежуривший за пультом Рыбалкин. – Кто? Что там? Ты чё, шутишь? Эй! Алло! Второй пост!

Сердце мое бешено забилось. Второй – мой пост! Что там стряслось? Не связано ли это с моей ночной гостьей? Я представил, как она лежит сейчас на земле лицом вниз под прицелом автомата Лехи Волкова, который оказался более ответственным часовым, чем я. Ведь по уставу я тоже должен был положить ее лицом в грязь и вызвать смену за то, что она ошивалась у поста. Я прислушался: что будет дальше?

Рыбалкин вскочил со стула. Он все еще озадаченно сжимал в руке трубку, на лице застыло выражение растерянности. Наконец он бросил трубку обратно на пульт и влетел в комнату начкара.

– Товарищ капитан!

Саморов спал, укрывшись с головой синим армейским одеялом. Рыбалкин тронул его за плечо. Тот заворочался, перевернулся на другой бок, пробормотав что-то невнятное.

– Товарищ капитан! Нападение на пост!

– Что? – Капитан тут же подскочил. – Какое, к черту, нападение?

– Со второго поста позвонил Волков. Говорит... То ли нападение, то ли еще чего... Я так и не понял.

Начкар сел, растирая виски.

– Где Провин?

– Не знаю.

– Так узнай! Сюда его, быстро! И Агеева тоже!

Рыбалкин вбежал в бодрячку.

– Помначкара не видал? – спросил он у меня.

– Не, Санек, не видел. А что случилось-то?

Но Рыбалкин уже мчался в отдышаловку, где высыпался между сменами Агеев.

– Эй, Витек! – Рыбалкин тронул разводящего за плечо.

– Что? – Агеев подскочил. Глаза его спросонья бегали, рыжий чуб торчал вихром.

– Тебя начкар вызывает!

– Ага. Иду.

Рыбалкин побежал было к выходу, но, оглянувшись у двери, увидел Агеева в горизонтальном положении и даже слегка похрапывающего. Рыбалкин вернулся к топчану и принялся усиленно тормозить младшего сержанта:

– Витяня, да проснись же! Тебя начкар вызывает, срочно! Похоже, нападение!

Агеев сел, спустив ноги на пол, посидел так несколько секунд, растирая глаза. Наконец взгляд его стал осмысленным, он тревожно взглянул на Рыбалкина и, не говоря ни слова, принялся быстро натягивать сапоги.

Рыбалкин вернулся к пульту и попытался дозвониться до второго поста. Безуспешно. Вдруг пультик затрещал. Рыбалкин щелкнул тумблер у горящей лампочки, но оказалось, что звонит часовой с собачки.

– Что? – прокричал Рыбалкин в трубку. – Слышал выстрелы на постах? Ясно. Отключайся.

Из комнаты начальника караула выбежал встревоженный Агеев и распахнул пирамиду с автоматами.

– Вовка, не ставь автомат, – бросил он только что сменившемуся с собачки Роганину. – Пойдешь со мной. Рыбалкин, ты тоже.

– Витек, возьми и меня! – подскочил я. – Все-таки это мой пост...

Агеев окинул меня удивленным взглядом.

– Ты же из бодрствующей смены? Ладно. Собирайся. Роганин, тогда останься.

Я быстро напялил броник и каску, схватил автомат. Выбегая вслед за Агеевым из караулки, услышал, как начкарик приказал Шуровичу во что бы то ни стало разыскать Провина.

Погода совсем испортилась. Небо заволокли тучи. Заступивший на собачку Серега Сычев ютился под козырьком крыльца, прячась от начавшего моросить дождя. Мы на бегу пристегнули к автоматам штык-ножи и магазины и, забыв прикрыть калитку, помчались к постам. Небо мигнуло фиолетовым, громыхнуло, и через мгновение грянул ливень. Лес зашумел под мощным, как из душа, потоком воды. Ведущая к постам тропинка тут же превратилась в кисель. Глина скользила под ногами, толстым слоем налипая на подошвы так, что мы едва не падали.

Нам наперерез помчались обширные ручьи. Впереди между трепещущими под ударами дождя листьями замелькали огни периметра постов...

Посланный разыскать помначкарика Шурович осмотрел каждый угол, но Провина так и не нашел. Даже в сушилку заглянул – вдруг тот завалился спать на бушлатах? Мы иногда так поступали: тепло и уютно, не то что на жестких топчанах отдышаловки. Не обнаружив его и там, Шурович вышел в бодрячку и озадаченно замер: вроде больше искать негде...

– Вовка, Жеку не видал? – спросил он у сидящего за пультом Роганина.

– С тех пор как с постов вернулись, не видел, – пожал тот плечами. – Он тогда поссать за калитку пошел.

«Точно, – вспомнил Шурович, – на улице еще не смотрел!» Он нехотя поплелся к выходу. Оказавшись на крыльце, окинул взглядом площадку, курилку. Помначкарика нигде не было видно.

– Что, правда на посту стреляли? – спросил он Сычева.

– А ты думаешь, я шалобол и все натрындел? Решил пацанов разыграть, чтобы они просто так на посты сбегали? – Сычев исподлобья тупо уставился на Шуровича. Как бык на матадора. Именно из-за этого взгляда Сережа и получил свое прозвище – Бык. Сычев славился не только тугодумием, но и способностью заводиться с пол-оборота по любому поводу. А поводов у него находилось множество, так как его не обремененное интеллектом сознание любую фразу собеседника расценивало как обидную. С Быком не то что шутить, даже просто разговаривать опасались, учитывая его габариты.

– Ладно, забей. Я просто так спросил, – махнул рукой Шурович и с сомнением подставил руку под стекающий с козырька водопад.

Искать Провина за калиткой в мокром лесу не было никакого желания. Однако, вспомнив лицо капитана Саморова, когда тот отдавал приказ, Шур решил, что гнев начкарика

страшнее ливня. И он, подняв воротник и вдохнув поглубже, вышел под дождь. В спину ударил холодный поток, одежда тут же промокла.

– Похоже, караул у нас больше не халявный, – посетовал Шурович. – Теперь он геморройный!

Пробежав по площадке и миновав все еще распахнутую после нашего ухода калитку, Шурович спрятался под деревьями. Однако ливень был настолько сильным, что листва не спасала, скорее наоборот – с нее вода стекала множеством ручьев.

– Жека! – позвал Шурович, особенно не надеясь услышать ответ. – Жека Провин! Ты тут?

Он постоял с полминуты, прислушиваясь, и собирался уже рвануть обратно в караулку с чувством выполненного долга, мол, я честно искал, как вдруг, к его удивлению, где-то неподалеку раздался тихий стон.

«Быть может, показалось?» – с надеждой подумал Шурович. Однако стон повторился, причем более отчетливо. Шур вздохнул и поплелся в лес, на звук.

– Провин! Это ты? – продолжал он звать, медленно продвигаясь вперед, раздвигая мокрые ветви. Он уже не торопился – все равно промок до нитки.

Дождь утих, зато теперь налетел сильный ветер, в лицо полетела противная морось. Кроны деревьев над головой стали раскачиваться с яростным шумом, а лес, казалось, наполнился тенями. Шур вздрагивал от каждой ломаемой ветки под собственными ногами – треск раздавался такой, что ему казалось, будто кто-то бродит неподалеку и пристально за ним наблюдает. Может, так оно и есть? Он с опаской оглянулся. Листва уже полностью скрыла караулку, так что не было видно даже огня фонаря.

– Провин! – снова позвал он, а сам для себя уже решил: «Его здесь точно нет! Пора возвращаться!» – Жека, ты здесь?

Ну, нет так нет! Шурович махнул рукой и побрел обратно. Ощущение, что за ним следят, становилось все сильнее. Он чувствовал, как с каждым шагом идет все быстрее. Сверкнула молния, осветив лес фиолетовой вспышкой. В этом призрачном свете Шуровичу вдруг показалось, будто со всех сторон его окружают странные тени – живые! Над лесом прокатился гром, и снова грянул ливень.

Тут Шурович не выдержал и побежал, пригибаясь под ударами разбушевавшейся стихии. Это было уже не просто желание укрыться от дождя. Он бежал, не помня себя от ужаса, не обращая внимания на ветки, сильно раздражающие лицо, на высокую траву, опутывающую ноги. В какой-то момент ему даже показалось, что лес слишком долго тянется. «Не мог я зайти так далеко! Неужели заблудился?» И вдруг он упал. Рухнул в мокрую траву. Попытался подняться, хватаясь за деревья, но мокрые стволы скользили под перепачканными грязью ладонями. Ему удалось встать в тот самый момент, когда снова сверкнула молния, осветив то, обо что он споткнулся...

...Мы в это время как раз добрались до периметра. У ворот присели, прислушались. Все спокойно! Агеев распахнул ворота и, пригнувшись, побежал к вышке первого поста.

– Эй, Драпко! – позвал он. – Эдька Драпко!

Ответом ему был лишь прокатившийся по округе гром. Эдика нигде не было видно. Скрипел фонарь, раскачиваясь под ударами косых капель и порывами ветра. Окрестности плясали в его мечущемся фиолетовом свете. Под ногами стелилась туманная дымка.

– Драпко! – снова позвал Агеев.

В окопе у вышки возникло движение.

– Вон он! – воскликнул я, шурясь от заливающего глаза потока воды.

Мы было ринулись к окопу, как вдруг нас остановил резкий окрик:

– Стоять!

Драпко поднялся из окопа. Его автомат был направлен на нас.

– Эдька, ты чего? Это же смена... – сказал Агеев, делая шаг вперед. Но тут же замер – Драпко передернул затвор.

– Хватит с меня одной смены, – холодно ответил часовой. – Провин с вами?

– Нет. А при чем тут Провин?

– А при том, что он уже был здесь. Минут десять назад. Сказал, что проверка.

– Странно. Ну и где же он теперь?

Эдик как-то странно усмехнулся. Тут я разглядел, что рукав на левом плече у него распорот и по ткани, размытаясь дождем, сочится кровь.

– Короче, я смену подпущу только с начкаром! – твердо заявил Драпко. – А там делайте что хотите. Хоть на кичу сажайте!

– Эдька, что случилось-то?

– Я сказал, только с начкаром!

– А что там, на втором, не в курсе?

Драпко покачал головой.

– Ладно, – наконец сказал Агеев. – Нам надо сходить туда, проверить. Ты как, службуйто нести способен? Может, тебя сменить?

Драпко заколебался. Но все же мотнул головой и махнул: «Ступайте!» При этом автомат так и не опустил.

Не успели мы отойти от вышки и пары десятков шагов, как вдруг впереди прогремела автоматная очередь. Еще и еще.

– О, черт! – вскричал Агеев.

Стреляли на втором посту!

Я побежал вниз по склону. Мокрая глина чавкала под ногами и выскользывала из-под подошв. Я несколько раз упал, но треск выстрелов впереди заставлял снова подняться из мокрой жижи и бежать дальше. Впереди в полумраке мелькала спина Агеева. Рыбалкин отстал, споткнулся где-то еще на первом посту. И вдруг наступила тишина – стрельба стихла. Это могло означать либо то, что у Волкова кончились патроны, либо... О втором я боялся даже подумать.

Я налетел на внезапно остановившегося Агеева. Тот, пригнувшись, прислушивался, держа автомат на изготовку. Но округу наполняли лишь шум дождя и шелест листвы за ограждением. Подбежал Рыбалкин. Агеев жестом указал: «Сядь!» Мы осторожно двинулись вперед. Мой взгляд скользнул вдоль ограждения, по черной стене леса и остановился на том месте, где я не так давно видел девушку. Я тут же вспомнил ее предупреждение. Не об этом ли она говорила? Как она вообще связана с происходящим?

– Кто-нибудь видит Волкова? – шепотом спросил Агеев, настороженно глядя по сторонам.

Однако ни часового, ни тех, в кого тот стрелял, мы так и не заметили. Я молча показал разводящему в сторону окопа у вышки. Мы осторожно двинулись туда. Волков действительно оказался там. Он лежал лицом вниз, автомат валялся рядом. Вокруг – россыпь гильз. Похоже, часовой стрелял, пока не кончились патроны.

– Леха! – Агеев толкнул его. – Эй, Волков!

Без сознания? Разводящий осторожно перевернул его на спину. И тут же отпрянул. В небеса уставились остекленевшие, широко распахнутые глаза. С виду Волков казался невредимым – ни ранений, ни ссадин. Да только сомнений не было – он мертв. Агеев все же попытался нащупать пульс, покачал головой и сел на дно окопа, обхватив голову руками.

– Он что... – Я не решился закончить фразу. Лишь стоял и ошарашенно пялился на труп.

– Чё встал? – опомнился Агеев. – Пули схлопотать захотел?

Я мгновенно пригнулся.

– Занять оборону! – скомандовал разводящий. – В кого-то же он стрелял!

Мы с Рыбалкиным повалились в траву, нацелив автоматы на черную непроглядную чащу леса, начинавшуюся в нескольких метрах от колючей проволоки. Именно туда палил Волков. Я отметил, что ограждение не повреждено, нет никаких следов, тел убитых. Только непрямая трава да волнующиеся кроны деревьев. Но кто-то ведь убил часового!

Казалось, мы просидели целую вечность, прислушиваясь и вздрагивая от каждого шороха. В округе по-прежнему было безлюдно, но подняться из окопа мы не рискнули: вдруг за нами наблюдают и только этого и ждут?

– Саня, может, все-таки расскажешь, что ты видел на посту, перед тем как тебя сменили? – шепотом спросил я у Рыбалкина. Просто молчание действовало мне на нервы.

Тот быстро взглянул на меня и тут же отвернулся.

– Нет, правда, – сказал Агеев. – Расскажи. Я же помню, что ты был не в себе, когда мы пришли. Что случилось? Вдруг это как-то связано с этим...

Он кивнул на тело Волкова.

– Да ерунда все это, – уклончиво ответил Рыбалкин и снова отвел глаза. – Мне всего лишь приснился страшный сон. Потому как наяву такого просто быть не могло!

– И все-таки?

– Да что рассказывать-то... – вздохнул Рыбалкин. – Где-то в двенадцатом часу ночи я лежал в окопе. Спать, как назло, не хотелось. От нечего делать глядел на звезды и тихо пел.

– Пел? Что пел? – спросил Агеев.

– Не важно. Я всегда пою на посту. Помогает убить время. Обычно песня длится минуты три. Пять песен – прошло пятнадцать минут, значит, пора звонить в караулку с проверкой связи. Прогнал в голове альбома три-четыре какой-нибудь группы – прошло два часа – жди смену. Да и веселее с песней...

– Понял. Давай без подробностей.

– Но тогда отчего-то петь расхотелось, – продолжал Рыбалкин. – Честное слово, никогда не боялся один ночевать на посту, а тут вдруг стало не по себе. Да еще и Зверек перед этим нагнал жути, рассказывая про какие-то там шумы на посту...

– Какие еще шумы? – Агеев глянул на меня.

– Так, показалось, – отмахнулся я. Ведь тогда пришлось бы рассказать и о девушке.

– Короче... Лежу я и вдруг слышу – шорох. Ощущение было такое, будто кто-то идет по траве. «Неужели смена?» – думаю. Глянул на часы – 11:30. Да рановато еще... Приподнялся, посмотрел по сторонам. Никого. Шорох тоже прекратился. Мне вдруг показалось, что шел он со стороны леса по ту сторону колючей проволоки. Но за колючкой тоже было пусто. Да и кто там мог ошиваться? Я снова опустился на дно окопа. И тут ко мне в окоп стал затекать странный такой туман. Меня это удивило, ведь пост мой находится на сопке, а я всегда думал, что туманы должны в низинах собираться. В общем, выглянул я, смотрю, а туман этот повсюду – стелется по дорожке, в траве, у колючки. Да такой плотный и белый, как кефир. Внезапно похолодало. Я поднял воротник, сунул ладони под бронезилет, снова сел в окоп и запел, скорее чтоб прогнать накатившие дурные мысли. И вдруг опять позади шорох – явно шаги. Да так близко! Я придвинул поближе автомат, положил палец на предохранитель. Мало ли что... А сам думаю: расскажу кому – засмеют! Скажут, совсем крышу от глюков сорвало! Я снова выглянул из окопа, раздвинул траву и оцепенел. Вижу, по тропинке вдали вроде как идет кто-то. Туман густой-густой, видно плохо, но понимаю, что это явно не смена. Глянув на точку связи, подумал: «Может, в караулку сообщить?» Но удержался. Мало ли, вдруг меня все-таки глючит? Чего понапрасну караул дергать? Ведь сколько раз бывало, что из-за дрожащей тени часовые смену «в ружье» поднимали... Да только я быстро понял, что никакая это не тень, не мираж, а реальный человек. Нарушитель чешет по территории, и прямо на меня! Ну, тут уж я, как положено по уставу, вскочил, вскинул автомат, щелкнул предохранителем, кричу: «Стой, кто идет?» Вот тут-то до меня и дошло, что это девка...

– Девушка? – взволнованно перебил я. – Блондинка или брюнетка?
– Какая разница? – цыкнул на меня Агеев. – Продолжай, Рыб ал кин!

– На чем я остановился? Ах да, девушка... – продолжал тот. – Поначалу я не разглядел ее лица. Просто по фигуре, одежде, длинным волосам понял, что это баба. Она шла по тропинке, словно манекенщица на подиуме. «Стой, кто идет, говорю!» – снова крикнул я, а сам уже приготовился пальнуть в воздух предупредительный. «Что ты, Саша, это же я!» – отвечает. Я аж охренел, услышав голос. Ушам не поверил! А она прошла еще пару шагов и остановилась. Фонарь осветил ее лицо. Это и правда оказалась Милка! Та самая, представляете?

– Что еще за Милка? – удивился Агеев.

– Ну, моя подружка с гражданки. Помните, я про нее рассказывал?

– Здесь, на посту? – Разводящий с сомнением взглянул на него.

– Я сам охренел! – ответил Рыбалкин. – Короче, она говорит, мол, ты так долго мне не писал, вот я и приехала тебя навестить. «А как сюда попала?» – спрашиваю.

Это ж черт-те сколько километров от части! Ответила, что комбат ехал в караул с проверкой, она с ним и напросилась. «Мне сильно-сильно, – говорит, – хотелось тебя увидеть!» А сама уже подошла так близко, что я ощущал запах ее духов. Ну и бросилась мне на шею со словами: «Я так соскучилась!» – и все такое...

У меня защемило в груди. Неужели я тогда общался с Сашкиной подружкой?

– Ну ты даешь, Рыбалкин! – покачал головой Агеев. – Тоже мне часовой... Под арест захотел?

– Нет, я, конечно же, пытался ее оттолкнуть, сказал, мол: «Мне нельзя! Я же на посту!...»

– Хорош врать-то!

– Ну ладно, ладно... Не говорил. А ты бы, скажи, удержался? – огрызнулся Рыбалкин. – В общем, она давай расстегивать лямки на бронезилете...

Неподалеку раздался треск ломаемых веток и шум листвы. Агеев поднял руку. Рыбалкин умолк. Разводящий прислушался, осторожно выглянул из травы.

– Птица, – сообщил он, снова опускаясь на дно окопа. – Ну, и что было дальше?

– Что дальше... – Рыбалкин провел ладонью по лицу. – После этого дела я, видимо, задремал. Не знаю, сколько прошло времени. Проснулся от щелчка. Как оказалось, это Милка нажала на кнопку – отстегнула штык-нож от моего автомата. Я открыл глаза аккурат в тот самый момент, когда острие нависало над моим лицом. Хорошо, успел увернуться, потому как в следующий миг штык-нож воткнулся в землю, в то место, где мгновение назад была моя башка. В полумраке я разглядел голую Милку со штык-ножом в руке, машинально оттолкнул ее, попытался встать, да только помешали спущенные до колен штаны. Моя разъяренная подружка тут же снова набросилась на меня, повалила на спину. Правда, на этот раз мне удалось поймать ее за запястье той самой руки, что сжимала нож. Милка наваливалась на меня всем весом, явно пытаясь засадить клинок мне в горло. Сейчас вспомнить – кино, да и только! А тогда чуть в штаны не наложил...

– Ты без штанов был, герой-любовник, – хмуро заметил Агеев. – Что дальше?

– Длинные волосы падали мне в глаза, в фиолетовом свете фонаря я видел искаженное злобой лицо подружки. Да только весовые категории-то у нас разные. Я без труда отвел ее руку в сторону и, придавив державшую нож ладонь к земле, резко ударил по запястью. Рука Милки ослабла, нож оказался у меня. Я рванул его из земли и... Уж не знаю, как так получилось... В общем, ударил. Как-то машинально – просто махнул рукой, не целясь никуда конкретно. Да только попал! Я почувствовал, как лезвие вошло в тело. Милка вскрикнула, отползла в сторону. Я же быстро вскочил, натянул штаны. Гляжу – Милка сидит неподалеку на траве, правой рукой прикрывает рану на животе, а сквозь пальцы хлещет кровь. Она подняла голову, в глазах слезы, губы дрожат. Я же вдруг понял, что именно только что натворил! Подбежал к ней, упал рядом на колени, обнял. «Милка, почему?» – спрашиваю. А она только и сказала:

«Я все знаю...» И все! Думаю, она имела в виду ту бабушку, с которой мы пару недель назад отжигали в самоволке. Помнишь, Зверек? Вот только не пойму, кто мог меня сдать... В общем, Милка умерла, прямо у меня на руках... Ну а потом пришла смена.

Рыбалкин замолчал. Агеев какое-то время молча с сомнением его разглядывал.

– Да, но когда мы пришли, рядом с тобой не было никакой мертвой голой девки, – сказал он.

– Не было... – Рыбалкин кивнул и уставился в землю.

– Комбат, кстати, тоже не приехал.

– Вот я и говорю, что это был сон! – воскликнул Рыбалкин. – Просто все было так реалистично...

– Ох, Рыбалкин, Рыбалкин, радуйся, что это тебе только приснилось. А то сидеть бы тебе за такие дела на киче до самого дембеля! – покачал головой разводящий. – Ладно, спать на посту надо меньше. Сейчас есть дела поважнее!

Рассказ Рыбалкина отвлек нас от происходящего. Теперь же, снова вспомнив о том, что рядом лежит труп сослуживца, я взглянул на него, и по жилам пополз тягучий страх. Я даже опустился ниже в окоп от ощущения, словно кто-то держит меня на прицеле. А быть может, он там не один!..

– Думаешь, те, кто это сделал, нас пасут? – Я кивнул на тело Волкова.

Агеев выглянул из травы:

– Это мы сейчас и проверим. В любом случае не сидеть же тут вечно.

Разводящий осторожно привстал, готовый в любое мгновение броситься на землю. Ничего не произошло. Тогда он вынул из кармана бронежилета Волкова трубку и, сказав: «Пацаны, прикройте», пригнувшись, подбежал к столбу ограждения с прикрепленной к нему металлической коробкой точки связи. Мы с Рыбалкиным нацелили автоматы на лес. Агеев добежал до точки, воткнул штекер, пошевелил шнур, ударил по коробке. Вернулся обратно в окоп.

– Связи нет! – сообщил он. – Короче, Зверек, придется тебе пока подменить его. – Агеев кивнул на Волкова. – Твой же пост! А мы с Рыбалкиным сбегает поднимем караул в ружье. Лады?

Что я мог ответить? Приказ есть приказ...

Агеев с Рыбалкиным возвращались через третий пост, чтобы проверить, как там дела. Стоявший на посту Слава Бабин сказал, что выстрелы слышал и даже звонил по этому поводу в караулку. Там ему ответили, что уже в курсе. У него же – все спокойно.

– Но ты все равно будь начеку, – предупредил Агеев.

– Пусть приходят – отстрелю яйца, – невозмутимо ответил Слава, похлопав по автомату.

Агеев с Рыбалкиным побежали дальше и вскоре добрались до караулки.

– Часовой! – крикнул разводящий, пнув калитку. – Чего не открываешь? Оглох?

Все еще дежуривший на собачке Сычев, казалось, не слышал. Он стоял спиной к ним и на что-то пялился.

– Бык, открывай, говорю! Резче!

Сычев вышел из оцепенения, подошел, клацнул щеколдой и снова на что-то уставился. Только теперь Агеев заметил, что на крыльце караулки какая-то суета. Даже начкар оказался тут. Агеев побежал к нему:

– Товарищ капитан! Там, на посту...

Саморов повернулся, и Агеев умолк. Никогда еще он не видел капитана таким растерянным. Начкар был бледен, как туман.

– Там, на втором... – сбивчиво продолжил Агеев. – Волков... Я не знаю, что случилось. Но он мертв и...

И тут Агеев увидел, как заносят в караулку Провина.

– Господи боже! – Разводящий отпрянул от неожиданности, с трудом сдержав подкатившую к горлу тошноту.

Фонарь осветил перепачканное грязью лицо старшего сержанта и зияющую на горле рваную рану. Голова Провина была запрокинута, рот приоткрыт, в широко распахнутых глазах застыл ужас. Форма на груди пропиталась кровью.

Агеев вышел из-под козырька, прижался спиной к стене караулки, сдерживая дрожь во всем теле. Какое-то время он стоял так, вскинув голову, подставляя лицо под ручеек, сбегаящий с крыши. Он глубоко вдохнул, выдохнул и пошел следом за остальными в караулку. Оглянувшись у двери, увидел, что Рыбалкин стоит у распахнутой калитки, упершись лбом в железную сетку ограждения, и что-то бормочет. Что он там делает? Прислушавшись, Агеев разобрал лишь слово «прости». И вдруг разводящему показалось, что в лесу неподалеку кто-то стоит. Девушка! Причем голая! Он зажмурился, снова посмотрел туда – никого. «Неужели и у меня уже глюки начались?» – подумал Агеев, заходя в караулку.

Тело Провина занесли в комнату начальника караула, положили на кровать. Какое-то время Саморов сидел в кресле, растирая виски кулаками. Солдаты толпились рядом. И тут капитан словно очнулся.

– Чего уставились? – рявкнул он на мявшихся у двери подчиненных. – Караул, в ружье! Никто не шелохнулся.

– Ну, чё стоите? – закричал он что было сил. – Команда «В ружье!» была...

В караулке начался переполох. Каждый вдруг осознал опасность и серьезность ситуации. Завыла сирена открытой оружейной пирамиды. Солдаты хватили автоматы, бронежилеты, каски. Вскоре все стояли посреди комнаты бодрствующей смены и, перешептываясь, ждали распоряжений. Саморов все еще сидел у тела своего помощника, с отвращением рассматривая кровавое месиво на шее Провина. Казалось, что горло тому не перерезали, а буквально вырвали... Наконец капитан встал, вышел в комнату бодрствующей смены, окинул строй долгим взглядом и хрипло повелел:

– Ножи к осмотру!

Все вынули из ножен штык-ножи. Начкар внимательно осмотрел каждый.

– Товарищ капитан, вы думаете, что это мы его... Ну... это... – спросил Агеев и провел пальцем по горлу.

Суровый взгляд капитана скользнул по лицам и уперся в пол.

– У нас с Жекой, конечно, далеко не гладкие были отношения, вы об этом знаете. Но чтобы так... – сказал Агеев и добавил: – К тому же Волкова на посту тоже кто-то...

– Да ни хрена я не думаю! – рявкнул капитан.

Он подошел к дверному проему, постоял какое-то время, упершись лбом в косяк.

– Провин... Волков... – пробормотал он.

Саморов взглянул на тело сержанта, стукнул кулаком по стене, словно решил, и пошел к пульту связи. Заметно дрожащей рукой снял трубку. Но вместо гудка в трубке была тишина.

– А, черт! – взревел капитан, швырнув трубку на пульт. С частью связи не было. Пальцы начкара заскользили по тумблерам. Молчание. С постами связи тоже нет! Капитан яростно ударил кулаком по теперь бесполезному пульту и крикнул: – Караул, становись!

Он прошелся вдоль строя, вглядываясь в растерянные лица.

– Агеев, Шурович, Трошников, Роганин... Четверо! Кого нет?

– Бабин и Драпко на постах. Гриненко там же вместо Волкова. Сычев на собачке. – Агеев окинул взглядом строй. – Стоп, а где Саня?

– Так, ну и где Рыбалкин? – тихо спросил капитан.

Все лишь пожимали плечами.

– С тех пор как мы вернулись с поста, я его не видел, – ответил разводящий.

– Кто-нибудь знает, он вообще заходил в караулку?

Тишина.

– Шурович, сбегай на собачку, спроси.

Тот умчался, а вернувшись, сообщил:

– Сычев сказал, что Рыбалкин в караулку не заходил. Говорит, видел, как тот в лес пошел.

– Черт все дерит!

Капитан какое-то время помолчал.

– В общем, так, – наконец сказал он. – Всем занять оборону в караульном помещении до дальнейших указаний. Позиции покидать лишь с моего личного разрешения. Ясно? По местам!

Солдаты поспешно рассыпались по караулке.

– Агеев! – позвал капитан.

– Я!

– Бери с собой Роганина и дуйте на усиление постов.

– Есть!

Те побежали к выходу.

– Погодите! – остановил их капитан.

Он зашел в свою комнату, открыл сейф и протянул разводящему патроны и несколько гранат:

– Держите!

Роганин с Агеевым переглянулись. По инструкции этот сейф положено было открывать лишь в особых случаях, и за пять лет караулов это произошло впервые.

– Ну, давайте. Удачи, – сказал капитан.

Когда они скрылись за дверьми, Саморов опустил в кресло у пульта связи. Смахнул со лба холодный пот.

– Думаешь, кто-то из наших Жеку прирезал? – перешептывались сидящие под окнами Трошников с Шуровичем.

– Да фиг знает... А Волкова тогда кто?

– Может, правда нападение?

Саморов приподнял трубку на пульте – тишина. Снова уронил ее. Связи нет!

* * *

Обо всем этом мне рассказали позже. Я же все это время, как и было велено, стоял на посту. Я прижимался спиной к опоре вышки, с тревогой поглядывая в сторону окопа, где все так же лежало тело Волкова. Я понимал, что здесь, на открытом пространстве, я словно мишень. Если кто-нибудь начнет стрелять, точно не промахнется. Однако находиться в окопе рядом с трупом сослуживца я не мог.

Дождь кончился, но от этого легче не стало. Мокрая форма прилипла к телу, от каждого порыва ветра, окатывающего с ног до головы противной моросью, пробирал дикий холод. Я плотнее прижимался спиной к основанию вышки и крепче сжимал автомат, словно от этого можно было хоть сколько-нибудь согреться. И с тревогой бросал взгляды в сторону леса, где деревья яростно раскачивались на ветру и тянули к ограждению ветви, словно черные кривые лапы.

Я давно заметил, что по дорожке стелился густой белый, будто молоко, туман. Даже легкая дождевая морось не была ему помехой. Что-то внутри подсказывало: в такую погоду тумана быть не должно. Я с каким-то внутренним паническим страхом глядел, как вздымаются и оседают белые призрачные волны и, словно живое существо, туман подбирается к моим ногам.

Туман! И Рыбалкин говорил про туман... Воздух между тем все больше наполнялся какой-то тошнотворной болотной вонью. Может, начал разлагаться труп?

Вдруг я услышал шум – равномерное, едва уловимое чавканье. Ощущение складывалось такое, словно кто-то шлепает по дорожке. Смена? Шаги были осторожные, часто прерывались, будто кто-то крадется. Я упал на землю под вышку и быстро сдвинул перед собой высокую траву, укрывшись в зарослях. Кто-то приближался, я уже слышал его сбивчивое дыхание. И вдруг он остановился, тяжело дыша, как раз там, где обрывалось освещение фонаря, так что виден был лишь темный неясный силуэт. Я подтянул за лямку автомат, упер приклад в плечо и приготовился к стрельбе.

– Зве-е-ере-е-к! – раздался шепот.

Сердце заколотилось в бешеном ритме. Туман проплывал по залитой фиолетовым светом дорожке между моим укрытием и силуэтом во мраке. Его белые рваные клочья походили на призраки.

– Стой, кто идет? – набравшись храбрости, прокричал я. – А ну, выходи на свет!

Силуэт двинулся, на освещенной площадке показался Эдик Драпко. Фу ты, напугал! Я опустил автомат и встал из травы.

– Эдька? Ты не пугай так. Я чуть не пальнул!

Драпко все так же молча стоял, сгорбившись, задумчиво глядя на меня. Автомат он держал перед собой.

– Зверек, это ты? – наконец спросил он.

– Конечно я, а кто же еще? – Я вышел на свет.

Драпко с облегчением вздохнул. Но по-прежнему не приближался и автомат не опускал.

– Что Волков? – спросил он.

– Нет больше Волкова, – тихо ответил я.

– А... – Драпко присел, опершись об автомат. – Значит, он и тут побывал!

– Кто?

– Кто-кто... Провин!

– При чем тут Провин? – удивился я.

– Да так, – уклончиво ответил Драпко.

Он достал сигарету. Закурил.

– Слушай, Зверек, – сказал Драпко, затягиваясь. Руки его дрожали. – А ведь мне теперь дисциплинарный батальон светит, да?

– Какой дисбат? Ты о чем?

– О чем... О Провине, конечно! Я ведь его того... Убил!

Глава 4

Такого не бывает...

Вот что рассказал мне Эдик Драпко.

– Это случилось незадолго до того, как вы прибежали на пост. Я сидел под вышкой – прятался от дождя, курил. И вдруг мне показалось, что неподалеку в темноте со стороны внешнего ограждения мелькнула какая-то тень – словно кто-то пробежал. Пригляделся, прислушался – никого, и тишина. Показалось? Только подумал, как снова кто-то пробежал вдоль колючей проволоки. Тут уж это явно был не глюк: я слышал шелест травы, а когда оглянулся, успел заметить, как колыхнется полынь. Кто-то явно шараялся по территории! Я на всякий случай снял с плеча автомат. Вокруг было тихо, да только меня не покидало чувство, будто за мной кто-то наблюдает. Прямо физически ощущал на себе чей-то взгляд.

«Эй! Кто здесь?» – спросил я.

И тут же неподалеку в темноте снова кто-то пробежал. Тут-то сомнений не осталось – не мерещится! «Пацаны прикалываются, не иначе», – решил я и прокричал:

«Эй, шутник! Ты кто? Волков, сто пудов, это ты! Выходи, зараза! Честное слово, в следующий раз выскочишь – пальну!»

Для убедительности я громко щелкнул предохранителем на автомате. В ответ из темноты раздался тихий смешок.

«Ну все, ты попал!» – прокричал я и пошел на смех.

Я был в такой ярости, что мог и прикладом засветить. Резко раздвинул траву – никого! И снова этот жуткий смех. Позади! У меня за спиной!

«Да кто прикалывается-то?» – прокричал я, снова отступая к вышке.

Признаться, стало так жутко! «Надо бы в караулку позвонить», – думаю. Да только точка связи-то на столбе периметра, а это далеко и во мраке. Куда-куда, а в темноту мне в тот момент меньше всего хотелось лезть. Наоборот, я перебежал на более освещенное место – к фонарю – и прижался спиной к столбу. Мне было уже плевать на дождь. Деревья за ограждением шумели под порывами ветра. Фонарь скрипел над головой, и все вокруг мелькало в его свете, как кадры замедленного кино. И еще этот долбаный туман под ногами... Блин, я чуть дуба не дал от страха.

«Если это шутка, уже не смешно!» – сказал я.

Неподалеку тут же опять мелькнула черная фигура, мрачно и бесшумно, словно призрак. Да так близко! При этом я успел заметить, как в свете фонаря что-то блеснуло. Я сразу понял – это оружие. Тут уж я не выдержал: передернул затвор и дал короткую очередь. Так, наугад, только кусты зря расстрелял...

– Наверное, именно эти выстрелы и услышал часовой на собачке, – перебил я.

– Не знаю. Может быть, – кивнул Драпко и продолжил: – В общем, тень мелькала все чаще. Я снова пальнул, теперь уже прицельно, но не попал. Черный силуэт скользил во мраке, казалось, все ближе и ближе. Я стрелял уже практически в упор. Несколько раз мне показалось, что сто процентов должен был попасть. Но ни фиги! Тень не исчезала. Мне уже начало казаться, что этот гребаный шутник неистребим. Зря сразу смену не вызвал, – думал я, да только бежать к точке связи в полную темноту теперь хотелось еще меньше. Вдруг он там нападет?

В какой-то момент у меня сдали нервы.

«Получи, мразь! – закричал и давай фигачить из автомата длинными очередями. – Где ты? Пристрелю суку!»

«А ты попробуй...» – раздался шепот прямо у меня за спиной.

Я резко обернулся, там – никого! А сам соображаю – голос-то знакомый! И вдруг что-то просвистело в воздухе и врезалось в столб прямо у меня над головой. Это оказался огромный топор! Отскочив в сторону, я поскользнулся и шлепнулся в лужу. Автомат выпал и исчез в тумане. Я ринулся за ним, как вдруг боковым зрением заметил, что рядом кто-то стоит. Рассмотреть не успел: за его спиной был фонарь, я видел лишь черный силуэт. Лишь в свете фонаря поблескивало лезвие топора. Я откатился в сторону – и, как оказалось, вовремя: топор воткнулся в землю аккурат туда, где я лежал. Хотя теперь думаю, если б он хотел меня прикончить, точно бы не промахнулся. Он просто развлекался – играл мной, как кошка мышкой, прежде чем убить.

Вижу, снова поднимается топор, медленно так, будто этот ублюдок наслаждался моим страхом. Я же в панике шарил по земле руками, пытаюсь в тумане разыскать автомат. Краем глаза вижу – топор вот-вот ударит. Тут мои пальцы нащупали автомат. Я его схватил и уже приготовился пальнуть, как вдруг сверкнула молния...

«Провин!» – Я просто глазам не поверил.

«Провин! Провин... – передразнил помначкар. – Я девятнадцать лет Провин!...»

«Жека, ты сбрендил? – говорю. – Ты же меня чуть не того!»

А он отвечает:

«Я знаю, что вы все... все ненавидите меня! Ничего, теперь станет иначе. Ползать на брюхе у меня в ногах, – говорит, – будете! И умолять, чтобы сжалился!»

«Женя, ты с ума сошел? – закричал я, отползая к фонарю. – У тебя случилось что-то? Проблемы дома? Письмо плохое получил? Может, девушка бросила?»

«Это у вас теперь проблемы. Потому что теперь мне плевать! Я всем покажу: Агееву, Саморову, вам всем...»

И Провин медленно двинулся ко мне. Когда он вышел на свет, я увидел в руках у него огромный топор с красной рукояткой, какие вешают на противопожарных щитках.

«Жека, стой! – Я поднял автомат. Руки жутко дрожали. – Стой, говорю!...»

«Убьешь меня? – усмехнулся Провин, не останавливаясь и, словно маньяк, покачивая топором. – Да куда тебе! Слабак! Все вы – ничтожные твари, способные только гадости за спиной плести. А вот я сейчас покажу, что значит настоящая сила!»

Он поднял топор, и... я выстрелил. Прямо в упор! Провин упал. Я тут же подполз к фонарному столбу и прижался к нему спиной, не отрывая взгляда от того места, где свалился наш старший сержант. Я не видел тела, его скрывал туман, да только сомнений быть не могло – он мертв. «Надо срочно звонить в караулку! – билась мысль. – Срочно звонить!»

И тут снова – бабах! Топор опять воткнулся в столб над моей головой. Я отскочил, глядя по сторонам. Это уже походило на какой-то бред. Я ведь выстрелил ему в живот, буквально с полутора метров!

«Ты и правда решил, что убил меня?»

Я просто ушам не поверил! Обернулся на голос. Там стоял Провин! А на животе у него – кровавое пятно! Выходит, я действительно не промахнулся!

«Я же говорю – слабак! – сказал он. – А вот я теперь покажу, что значит убить. Игры кончились!»

Вскинув автомат, я надавил на гашетку, целясь ему в грудь. Да только на этот раз оружие молчало. Оказалось, патроны кончились. Я мигом достал из подсумка запасной магазин, однако не удержал – выронил. Еще бы, руки знаешь как тряслись? Провин приближался медленно, как маньяк к жертве.

«Вот и сказочке конец, и тебе сейчас трындец, – нараспев с улыбкой говорил он. – Раз, два, три, четыре, пять – начинаю убивать...»

Я же шарил руками в траве. Повезло – нашел! Пристегнув магазин, я тут же вскинул автомат и нажал на спусковой крючок. И что ты думаешь? Тишина! Ударил кулаком по стволь-

ной коробке, снова надавил. Фигушки – автомат молчит! Видать, заклинило. Провин засмеялся, и от этого смеха у меня внутри все сжалось. А он, как мясник, стал медленно поднимать топор. «На этот раз уж точно будет бить наверняка!» – думаю. И тут я вспомнил о штык-ноже на автомате. Я собрался и что было сил сделал выпад. Провин захрипел. Клинок воткнулся ему прямо посреди груди. Я отпустил автомат, и Провин упал на колени, схватившись за ствол. Верь не верь, но он и после этого не сдох!

«Скотина, думаешь, меня так просто убить?» – прохрипел Провин, пытаясь выдернуть клинок из груди.

И я увидел, что штык действительно медленно выползает из его тела! Но я не растерялся. Вскочив на ноги, поднял топор и ударил. Получилось не очень сильно, но этого хватило. Голова Провина наклонилась, из раны на шее хлынула кровянистая струйка. Все так же держась за торчащий из груди автомат, Провин наконец повалился на землю.

Эдик Драпко замолчал. Дрожащей рукой достал еще одну сигарету, нервно закурил.

– Как мне быть, Зверек? – тихо спросил он. – Сколько за убийство дадут, а? Но я ведь оборонялся, правда?

– Послушай, Эдик, – осторожно сказал я, с сомнением поглядывая на приятеля. – Ты уверен, что тебе это не приснилось?

Вся эта история больше походила на какой-то триллер. К тому же тогда я еще не знал о том, что старший сержант Провин действительно с разорванным горлом лежит в караулке.

– Вспомни, когда мы прибежали на пост, там не было никаких трупов! – напомнил я.

– Не было, – кивнул Драпко. – Этого-то я и боюсь!

Он наклонился ко мне.

– Знаешь... – Голос Драпко сошел на едва слышный шепот. – Мне кажется, что он до сих пор там!

– Кто?

– Кто-кто... Провин! Мне кажется, что он – не человек!

И Драпко посмотрел в сторону своего поста таким взглядом, что я окончательно понял: мой приятель спятил.

– Слушай, Эдик... – Я старался говорить как можно увереннее, хотя сам с трудом сдерживал дрожь в голосе. – Я понятия не имею, что тут происходит, но, по-моему, все мы жертвы какого-то массового психоза. Нас всех глючит, как параноиков. И прошлый караул, похоже, тоже это испытал – вспомни, как они уезжали! А то, что вы рассказываете – и ты, и Рыбалкин, – такого ведь просто быть не может! Все это бред какой-то! Может, мы просто какой-то психотропной дрянью отравились? Я читал про такие штуки. Взять, к примеру, этот туман. Какой-то он странный. Вдруг это какой-то газ?

– Ну а как же Провин? – тихо спросил Драпко.

– А не было никакого Провина! Привиделся! А патроны ты расстрелял по галлюцинации.

– Волкова, по-твоему, тоже галюны прикончили? – напомнил Эдик.

Я покосился на окоп с трупом.

– Может... Может, он вообще не мертв! – заявил я. – Может, всего-навсего без сознания. Его ведь никто еще толком не осматривал. Никаких ранений мы у него не заметили.

Как же мне самому хотелось верить в то, что я говорил! По выражению лица Эдика я понял, что тот тоже хочет в это поверить. Да только не верит.

– В общем, скоро смена придет, – заключил я. – Там и разберемся. Агеев обещал быстро вернуться. А еще наверняка начкар уже позвонил в часть и за нами машину пришлют, отвезут нас в госпиталь, проверят. Так что нам нужно всего лишь немного потерпеть. Можем подождать смену здесь, вдвоем.

– Да нет, – подумав, ответил Драпко. – Я лучше к себе на пост пойду. Мы ведь все-таки еще в карауле. Вдвоем на одном посту – не по уставу как-то...

– Ну, как знаешь, – сказал я, интонацией выдав, что меньше всего хочу оставаться один. – Если что, зови.

Драпко кивнул и, прижав к груди автомат, неуклюже засеменил вверх по склону в сторону своей вышки. Он шел, оглядываясь на каждом шагу. Вскоре его тучная фигура растворилась во мраке. Я долго еще стоял на дорожке под фонарем, не решаясь куда-то идти. Потом осторожно подошел к вышке и присел на ступеньку.

Услышав неподалеку шорох, сначала решил, что вернулся Драпко. И вдруг, к удивлению, понял, что звук доносится с другой стороны. Со стороны окопа!

– Эй! Помогите... – Голос был слабый, едва слышен. Зато очень знакомый!

Я присел, соображая, чей это может быть голос. А когда понял, вскочил. Волков! Живой! Я ринулся было на звук – и вдруг остановился: «Может, снова галлюцинации? Как у Рыбалкина и Драпко...»

– Кто здесь? Меня кто-нибудь слышит? Помогите же...

У окопа зашевелилась трава.

– Скорее! – Из нее с трудом поднялся человек, но тут же обессиленно упал на колени, держась за голову. – Эй, да кто здесь? Это смена?

Теперь я четко видел, что это действительно Волков. И правда, живой! Тот снова поднялся, продолжая держаться за голову, и странно посмотрел по сторонам. Будто слепой. Когда Волков едва не рухнул, я бросился к нему и подхватил его под мышки.

– Не пойму, что со мной случилось, – сказал воскресший Волков. – Я что, был в отключке? Блин, не вижу ни хрена. Видать, здорово грохнулся...

Волков провел ладонью по моему лицу. Руки у него оказались холодны, как льдинки. Я взглянул ему в глаза и отпрянул: они походили на два мутных белесых стеклянных шара. Он что, действительно ослеп? Словно в подтверждение этому, Волков спросил:

– Зверек, это же ты?

– Я это, я!

Мы медленно добрались до вышки, я помог Волкову сесть на ступеньку. Поставив автомат у лестницы, присел рядом на корточки.

– Как же ты нас напугал, – вздохнул я. – Мы уж думали, что ты того...

И вдруг случилось неожиданное: рука Волкова скользнула вдоль лестницы и коснулась ствола моего автомата. Он тут же вскочил, схватив оружие.

– А ну, стой! – вскричал он, передернув затвор. – Не двигайся!

Блеклые глаза его при этом бешено вращались, дуло автомата металось по сторонам, целясь явно не в меня.

– Леха, ты чего?

Я сделал шаг к нему, но, услышав меня, Волков тут же повернулся и нацелил автомат мне прямо в грудь.

– А ничё! Чем ты докажешь, что ты действительно Гриненко? Вот чё!

Я был настолько ошарашен, что не мог вымолвить ни слова. Просто молча стоял и пялился на ствол. И вдруг с ужасом осознал: одно неловкое движение – и Волков действительно пальнет! Такой у него был вид. Да он просто не в себе! Впрочем, как и все мы...

– Леха, это действительно я.

Волков, казалось, сам был в замешательстве.

– Скажи-ка, сколько месяцев назад майор Доров подполковника получил? – наконец спросил он.

– Ты про какого Дорова? – ответил я. – Если про старшего, то вообще не получил, потому как он прапорщик. А вот у сына его, который военное училище год назад закончил, действительно есть шанс когда-нибудь дослужиться...

Это была старая полковая шутка. Прапорщик Доров, будучи начальником гауптвахты, считал себя такой важной птицей, что даже офицеры в шутку называли его «майор Доров». Волков опустил автомат. Я тут же его у него забрал.

– Извини, Зверек. Я это... Просто со мной какая-то хреноверть происходит.

– Что с тобой случилось-то? – наконец задал я мучивший вопрос. – Мы тут все переполошились. Думали, ты погиб.

– Я видел... – Волков замолчал. А потом тихо добавил: – Ты не поверишь!

– После того, что рассказали Рыбалкин и Драпко, и дико реалистичного кошмара, который мне приснился, вряд ли что-то меня удивит.

– А если я скажу, что пост атаковала армия зомби? Тоже поверишь?

– Это по ним ты два рожка расстрелял?

Волков промолчал, лишь махнул рукой.

– Что у меня со зрением? – Он нервно потер кулаками глаза.

– Погоди паниковать. Может, еще восстановится. Тебя бы к врачу...

– Что эти подонки со мной сделали?

– Да кто? Может, расскажешь?

И вот что он мне рассказал:

– Я прохаживался по территории, когда мне вдруг показалось, что трава за колючей проволокой подозрительно шевелится. Я осторожно пошел к ограждению, проверить. Польша там была высокая, но я явно видел, что там что-то есть.

«Стой, кто идет?» – крикнул я, сняв автомат.

Движение в траве на миг прекратилось, но вскоре возникло снова. В ответ – ни звука. Тогда я вплотную приблизился к ограждению, раздвинул штыком траву. И вдруг прямо передо мной появилось окровавленное лицо. От неожиданности я, небось, метров на пять отскочил.

«Помогите!» – прошептал человек.

Голос был тихий и хриплый. При этом мне почему-то показалось, будто я его знаю. Но понять, кто это, не смог – так сильно было изуродовано лицо. Видел бы ты: сплошные шрамы и кровь. Человек приподнялся, схватившись за колючую проволоку изодранной рукой.

«Они... Они идут!» – только и сказал он и упал лицом в траву. Рука сползла по колючке.

Я заколебался: бежать ему на помощь или вызывать смену? И вдруг увидел тени! Они были повсюду за ограждением. Словно призраки выплывали из чащи и медленно двигались к посту.

«Стой, кто идет? – прокричал я, отступая к точке связи. – Стоять, я сказал!»

Но они продолжали наступать, причем с каждым мгновением их становилось все больше и больше. И двигались прямо на меня! Я не растерялся – побежал к точке связи, на ходу вынимая трубку. Помню, из караулки мне ответил Рыбалкин.

«Алло! – закричал я. – Нападение! Нападение на пост!»

Я бегом вернулся к вышке. А те уже приблизились к ограждению, и теперь в свете фонаря я разглядел, что это люди, только какие-то жуткие: в лохмотьях, лица серые, как у мертвецов. И шли они как-то странно – словно роботы. Ни дать ни взять толпа зомби! Поначалу я решил, что это просто молодежь развлекается: отдыхали неподалеку, напились, разоделись и решили народ поугатать, не понимают, что лезут на охраняемый объект. Оттого я сразу стрелять и не стал. Думал, еще завалю не за хер собачий кучу гражданских. Пусть лучше смена прибежит, а потом начкара с ними разбирается... Да только когда эти зомбаки уперлись в проволоку ограждения и, не замечая этого, продолжали передвигать ногами, не обращая внимания на то, что

колючка раздирает им кожу, я понял, что тут разыграем и не пахнет. Может, под наркотой? Не чувствуют боли?

«Пошли отсюда! – закричал я им. – Не то стрелять начну!»

Никакой реакции – просто прут вперед, упершись в ограждение. Помню, одному чуваку колючкой угодило в глаз, хлынула кровь, а тому хоть бы хны. И, что самое жуткое, верь не верь, но мне в тот момент показалось, что все это – наши! Я вглядывался в их жуткие серые лица и узнавал Шуровича, Рыбалкина, Провина, остальных... Даже себя!

Тут загрохотали выстрелы в районе первого поста. Ага, значит, они и там наступают! Я бросился в окоп, но пока не стрелял, все еще надеялся, что они не прорвутся. Поначалу так оно и было. А потом случилось то, чего я боялся. Колючая проволока прогнулась под тяжестью этой толпы, а затем те, что напирали сзади, полезли прямо по головам передних. Вот уже первые перевалились через ограждение, медленно поднялись и пошли дальше. На меня!

Теперь уже я не сомневался – они на территории! Дернул затвор и надавил на гашетку. Те, что шли первыми, упали, срезанные очередью. Молча, даже не застонали! Остальные же продолжали медленно наступать. Между тем через ограждение карабкались все новые и новые зомби. В них я узнавал других ребят из нашей части, тех, что не в карауле... И знаешь, что самое ужасное? Те, которых мне удалось подстрелить, тоже не сдохли – продолжали ползти!

Я уже стрелял не переставая. Когда кончился магазин, вставил другой. Но те шли и шли, и пули, казалось, не останавливали их. и с каждым мгновением этих зомбаков становилось все больше и больше. А потом автомат замолк. Патроны кончились! «Нужно бежать!» – мелькнула мысль. Но было уже поздно. Когда я посмотрел вверх, они оказались прямо надо мной...

– А потом? – спросил я.

– Не знаю, – пожал плечами Волков. – Видимо, отключился. Помню только, что очнулся от дикого холода и со страшной головной болью. Вокруг – тьма. Нашупал автомат, кучу гильз, траву. А потом услышал, как ты с кем-то болтаешь. Кстати, ты, когда сюда пришел, никого подозрительного не видел?

– Нет. Только тебя в окопе и никаких больше следов.

– Чертовщина какая-то!

Волков снова замолчал, уставившись перед собой мутными глазами, белыми, словно туман, что стелился под нашими ногами. Я с опаской поглядывал по сторонам. Армия зомби? Что за бред! Впрочем, не больший бред, чем голые девки с ножами и сержанты-маньяки с топорами...

– Блин, где же смена? – сказал я, вглядываясь в даль. – За это время можно было пятнадцать раз туда и обратно сбегать. Кстати, Лех, твой автомат, он же до сих пор в окопе? Надо бы забрать, а то, если смена придет, тебе мало не покажется за то, что бросил оружие...

Говоря это, я пошел к окопу. Автомат все так же валялся на бруствере, а рядом, на дне окопа, лежало... тело Волкова!

– Фо-о-о... Бли-и-изкоо-о-о... – раздался шепот позади.

Я резко повернулся и взглянул туда, где еще мгновение назад стоял живой Волков. Увышки оказалось пусто! Вокруг – ни души. Так это что, была галлюцинация? Тут я заметил, что в том месте, где только что находился мой сослуживец, в земле чернеет странная яма. Я осторожно приблизился к ней, заглянул внутрь. Та оказалась настолько глубокой, что дно терялось во мраке. Я продолжал вглядываться вниз, удивляясь, откуда тут могла так внезапно появиться эта дыра. И вдруг мне показалось, что в глубине что-то шевельнулось. Я тут же отскочил, нацелив на яму автомат. Боковым зрением заметил, что почва неподалеку слегка приподнялась. Но едва я взглянул туда, бугорок исчез. Вот зашевелился песок на дорожке. Это уже явно не померещилось – там остался продолговатый след. Что-то движется под землей! Или кто-то?

Раздался треск. Один из столбов внутреннего ограждения приподнялся, накренился, а потом рухнул и повис на колючей проволоке. Такое уж точно не может мерещиться! Снова почва неподалеку приподнялась, будто под ней что-то проползло. И вдруг я почувствовал, что тоже приподнимаюсь. Оно подо мной! Я отбежал в сторону, целясь из автомата под ноги, и увидел, как в том месте, где я только что стоял, образовалась дыра. При этом я успел заметить, как там в свете фонаря блеснули черные чешуйки. Змея? Огромный червь? К горлу тут же подкатил ком тошноты. Я глубоко вдохнул, чувствуя, что ужин рвется наружу. С детства терпеть не могу всяких ползучих тварей... Над поверхностью опять на мгновение промелькнуло и утонуло в грязи изогнутое черное тело.

«Это галлюцинация! – твердил я про себя, отступая к вышке. – Это всего лишь галлюцинация! Таких огромных червей не бывает...»

И вдруг увидел, что от дыры в мою сторону быстро двинулся холмик. Через мгновение земля у меня под ногами вздулась. Я выстрелил вниз и отскочил. В том месте в грязи что-то закопошилось. Я же, не мешкая, рванул к вышке. На бегу заметил, что почва за моей спиной рухнет, будто за мной мчится невидимый плуг. Только успел заскочить на ступеньку, внизу раздался глухой удар – что-то врезалось в лестницу, и земля там словно закипела. Забравшись повыше, я облокотился о металлические ступеньки, упер в плечо приклад и дал в землю короткую очередь. Кипение внизу прекратилось.

– Галлюцинация! – как заклинание повторял я. – Такого не бывает! Не бывает!..

На какое-то время все успокоилось. Затем неподалеку раздался шелест. Я взглянул в ту сторону и заметил, что на дне окопа шевельнулся труп Волкова. А в следующий миг он вдруг провалился под землю. Затем я увидел, как на территории поста в разных местах несколько раз приподнялась почва. Ощущение складывалось такое, словно это жуткое подземное существо меня ищет. Потом надолго снова все затихло. Все это время я сидел на лестнице, боясь шевельнуться. Палец дрожал на спусковом крючке. Если бы не исчезнувший труп, яма у основания вышки, борозды изрытой земли и поваленный столб, я вообще бы решил, что мне все помешалось. Но ведь это происходило наяву! Или, быть может, я просто сплю? Вот проснусь, и все станет по-прежнему...

– Эй, Зверек!

Я вздрогнул. На дорожке стоял Волков!

– Зверек, помоги! – жалобно сказал он. Туман клубился у него под ногами. – Помоги же! Я затаил дыхание.

– Помоги, Зверек... – В голосе Волкова мелькнули издевательские нотки. – Помоги! Помоги же мне! Ну, где же ты, Олежа?

Волков бродил по территории поста, словно механическая кукла, врезаясь в фонарные столбы, спотыкаясь о кочки, задевая ограждение. Я заметил, что позади него тянется нечто вроде чешуйчатого черного хвоста – словно продолжение позвоночника. Когда он проходил совсем близко, мне показалось, что он смотрит на меня, я не выдержал и, вскинув автомат, крикнул:

– Не подходи! Я выстрелю!..

Услышав меня, Волков направился прямо к вышке. Остановившись у лестницы, он долго вертел головой, прислушиваясь и принюхиваясь. И вдруг исчез, словно его и не было, а на том месте, где он только что стоял, в земле осталась дыра.

«Да где же Агеев, черт возьми!» – в отчаянии думал я, глядя на дорогу.

В дыре у лестницы между тем что-то блеснуло, потянулось вверх. Я с ужасом наблюдал, как над землей растет нечто похожее на гигантского, толщиной с пожарный шланг, дождевого червя. Черные чешуйки поблескивали в фиолетовом свете. Это жуткое существо медленно поднималось все выше и выше. Вот оно уже вытянулось настолько, что его тупой конец оказался на уровне моего лица. У существа не было ни глаз, ни ушей, ни носа, но мне казалось,

что оно каким-то образом ощущает меня. Я вжался в лестницу. Вид обычных гусениц с детства бросал меня в дрожь, а тут такое... Наконец я не выдержал и поднял автомат. Чудовище тут же устремилось вниз и скрылось под землей.

Едва гигантский червь исчез, вышка вздрогнула. Ее тряхнуло так, что я от неожиданности чуть не сорвался. К счастью, успел вцепиться в ступеньку. Ноги беспомощно повисли в воздухе. Тут же последовал второй толчок. У одной из стоек земля взрыхлилась. Вышка загудела и с металлическим скрежетом накренилась, едва не сбросив меня. Лямка автомата соскользнула с плеча, и оружие, с грохотом переворачиваясь на ступенях, понеслось вниз по лестнице. Я до боли в пальцах вцепился в ступеньки. Только бы не упасть! Бронежилет невыносимо тянул вниз, и все же мне кое-как удалось подтянуться. Я забросил одну ногу на лестницу, другую и снова оказался на высоте. С сожалением посмотрел на лежащий у вышки автомат. Спускаться за ним не рискнул. Наоборот, я забрался еще выше, крепче вцепился в перила и, быстро расстегнув на боках ремешки, сбросил с себя бронежилет.

На какое-то время все стихло. Но я решил, что до прихода смены лестницу не покину.

– Эй, Зверек! У тебя все в порядке?

Я обернулся на голос. По дорожке, пригнувшись и держа автомат на изготовку, брел Драпко.

– Помощь нужна? – крикнул он. – Я слышал выстрелы!

«Может, очередная уловка чудовищ? – мелькнула мысль. – А если нет?»

– Эдька, стой, где стоишь! Не шевелись! – закричал я.

И вдруг заметил, что в его сторону двинулся земляной холмик.

– Нет, давай лучше сюда! Беги, скорее! Лезь на вышку!

Было видно, что Драпко растерялся – не понял, что происходит. Когда же земля приподнялась под его ногами, стало поздно. Эдик прыгнул в сторону, но десяток вынырнувших из-под земли длинных чешуйчатых червей, подобно черным канатам, оплели его ноги.

– Это что за хрень! – завопил Драпко.

Я стал спешно спускаться, но у основания лестницы из грязи тут же приподнялись несколько извивающихся черных колец.

Эдику удалось дотянуться до выпавшего из рук автомата, и он несколько раз ткнул штыком в обвивших ноги существ. Из-под чешуи брызнули струйки зеленоватой слизи. Монстры тут же отпустили его и скрылись под землей.

– Сюда! Скорее! – закричал я.

Драпко вскочил и, хромя, побежал к вышке. Ему оставалось всего ничего, как вдруг земля под его подошвами словно взорвалась. Эдик провалился по колено и стал быстро тонуть, погружаясь в почву, как в трясину. Он беспомощно барахтался, загребая руками песок и глину, обрывал траву. Я мигом оказался внизу и успел поймать его за рукав. Однако черви тянули с такой силой, что я сам едва не сорвался в эту кипящую грязь.

– Нет же! – хрипел я, стиснув от напряжения зубы, но рукав Эдика медленно выкальзывал из пальцев.

И вдруг грянули автоматные очереди. Чудовища задергались, разрываемые пулями, и быстро устремились обратно под землю, отпустив окровавленного, по грудь вросшего в грязь Эдика Драпко. Взглянув на дорогу, я увидел, как во мраке полыхают два огонька – автоматные выстрелы. Смена!

Я спрыгнул с лестницы и принялся вытаскивать Эдика из ямы. Тот как мог помогал мне, едва шевеля ослабевшими руками, сбрасывая с себя обмякшие черные тела. Рядом оказались Агеев с Роганиным, помогли мне. Ноги Эдика были изодраны настолько, что походили на куски мяса. Я поразился, почему тот молчит: как он может терпеть такую боль? Да только, взглянув на его лицо, понял – у него шок.

– Пацаны, сзади! – завопил Роганин.

На дорожке неподалеку почва вздулась, будто гигантский нарыв. И лопнула. Во все стороны полетели куски дерна. Я машинально упал, закрыв голову руками, как учили поступать при взрывах, а когда снова посмотрел вверх, оцепенел. Над нами нависала огромная зубастая пасть. То, что я принял за черных червей, оказалось щупальцами этого вынырнувшего из-под земли чудовища, похожего на гигантскую согнутую заводскую трубу. Эти «черви» извивались вдоль всего толстого чешуйчатого тела. Я бросил взгляд в сторону спасительной вышки, однако между нами уже клубились черные кольца. Впрочем, на этот раз вышка и не спасла бы.

Земля подо мной взрыхлилась. Едва я отпрыгнул, в том месте, где только что была нога, на поверхности показалось покрытое чешуйками кольцо.

– Зверек, помоги! – раздался крик Агеева.

Одно из щупалец обвилось вокруг голени разводящего и, приподняв его над землей, медленно повлекло к воронке пасти. Агеев безнадежно пытался сбить щупальце прикладом. Затрепал автомат Роганина, но пули особого эффекта не дали – против такого монстра, похоже, сгодилась бы лишь артиллерия.

Чудовище приподняло Агеева над пастью... И тут я заметил, что в руке разводящего что-то мелькнуло и полетело в зубастую глотку. «Граната!» – догадался я. Ухнул взрыв. Я снова упал, закрыв голову руками, и сверху тут же обдало дождем мокрых ошметок. Взглянув вверх, я увидел, что щупальца-черви обвисли. Агеев упал на траву. Сам монстр согнулся, как ствол надломленного дерева, а затем рухнул, разбрызгав грязь.

Какое-то время мы неподвижно лежали, не решаясь подняться. Наконец Агеев привстал и что-то сказал, но я не расслышал – в ушах звенело.

– Охренеть, говорю! – громко повторил Агеев, стряхивая с одежды склизкие ошметки чудовища. Мы все с ног до головы были в этой пакости и скользкой зеленоватой крови.

– Эдька! – Роганин подбежал к Драпко.

Тот лежал, запрокинув голову, глядя в черное небо широко распахнутыми глазами. Кровь сочилась у него изо рта, а на шее зияла бордовая полоса. Роганин встряхнул приятеля, еще и еще. А потом опустился рядом на траву, стянул с головы каску. «Эдька и Вовка ведь с самой учебки дружат, – вспомнил я. – Неразлучны были, как братья. Были...»

Рядом заскрежетало. Мы насторожились, схватив автоматы, но оказалось, что это огромная туша чудовища пришла в движение – стала медленно сползать в яму. За ней потянулись щупальца. Вскоре о том, что тут произошло, напоминали лишь изуродованная огромными валунами и ямами земля да поваленные столбы. Даже пятна зеленой крови и ошметки подземного монстра пропали, словно испарились.

– Туман пропал, – заметил я.

Это утверждение прозвучало как-то нелепо после всего произошедшего, но оно словно вернуло всех к жизни.

– Что это вообще за хрень была? – вскричал Роганин. – Что за тварь такая? Я про таких в жизни не слышал!

– Короче, валим отсюда, да поскорее, – сказал Агеев, обводя округу стволом автомата. – Что бы тут ни происходило, надо выбираться на фиг. Идем. Надо еще забрать Бабина с третьего поста. Если он, конечно, еще...

Агеев не закончил фразы, умолк. О худшем старались не думать.

Глава 5

«Держимся вместе, отходим к караулке!»

До третьего поста пришлось идти во мраке. Почти все фонари почему-то оказались разбиты. Только вдали, у самой вышки, виднелся небольшой освещенный клочок пространства.

- Не нравится мне это, – прошептал Агеев.
- Может, лампы ветром сорвало? – предположил Роганин.
- Надеюсь, что так.

Мы медленно продвигались вперед, ступая по земле, как по минному полю. К счастью, подземные монстры больше не появлялись. Чем ближе мы подходили к посту, тем подозрительнее становилась царившая в округе тишина. Все словно вымерло. Мы вздрагивали от каждого шума, даже под собственными подошвами. Один раз я чуть не пальнул, когда над головой внезапно раздалось хлопанье крыльев.

Налетел ветер. Деревья за колючей проволокой пришли в движение, над головой заскрипели болтающиеся на столбах разбитые фонари. Мы приблизились к освещенной территории. Метрах в пятидесяти от вышки Агеев рукой показал остановиться. Присев, мы долго прислушивались и приглядывались, но ничего подозрительного не заметили. Беспокоило то, что не обнаружили мы и часового.

- Там что-то... – начал Роганин.

Но Агеев тут же показал ему кулак и приложил палец к губам. Мы и без того уже услышали шорох среди травы. Разводящий дал знак, и, вскинув автоматы, мы осторожно двинулись за ним.

– Дальше метра друг от друга не разбредаемся, – шепотом предупредил Агеев. – Нужно найти Бабина. Живого или мертвого.

- От последней фразы мне стало не по себе.

Мы настороженно продвигались вперед, обводя кусты стволами автоматов. В мерцающем свете единственного уцелевшего фонаря вокруг плясали тени. И от этого дикого хоровода меня не покидало чувство, будто вся округа наполнена монстрами. Я едва сдерживался, чтобы не начать стрелять по любой колышущейся ветке. Агеев решил включить фонарик, и желтый луч медленно заскользил по высокой зеленой стене гнущейся на ветру полыни. Под ногами снова стелился туман. Ох, не нравилось мне это...

Вдруг среди травы мелькнуло что-то темное. Стволом автомата я осторожно раздвинул полынь и сразу же отпрянул, не сводя глаз с внезапно возникшего передо мной блестящего склизкого существа. Я чуть не прострелил ему голову! Хвала судьбе, что каким-то чудом успел узнать в этом монстре перепачканного какой-то гадостью Славу Бабина.

– Кто это? – прохрипел Бабин, прикрываясь окровавленной ладонью от слепящего света фонарика. – Это смена? Прячьтесь скорее. Они рядом!

Мы, не сговариваясь, юркнули к нему в кусты. В свете фонарика я разглядел, что Славка весь в ссадинах, а форма на нем изодрана в клочья. Агеев было выглянул из травы, но Бабин тут же втащил его обратно.

- Не стоит привлекать внимания, – шепнул он. – А то вернутся.
- Кто? – спросил я.

Вместо ответа Бабин взял у разводящего фонарик и осветил нечто распростертое на земле. Это оказалось существо величиной со школьника средних классов. Я успел рассмотреть черные перепончатые, как у летучей мыши, покрытые чешуйками крылья с блестящими когтями, а также скрюченные лапы, оканчивающиеся странными длинными, похожими на мечи, отростками.

– Я тут уже парочку таких вальнул. – Бабин провел ладонью по расцарапанному лбу, размазывая кровь. – Один вот. Второй там, дальше, в кустах валяется.

Меня поразила невозмутимость, с которой Бабин сообщил все это. Что там меня... Даже Агеева заметно трясло от всего увиденного! Израненный же Слава Бабин говорил так, словно объяснял трудности во время прополки картошки. Конечно, у нас в части шутили, что, мол, у Бабина броня в полтора метра – он непрошибаемый. Но чтобы настолько...

Над головой что-то ударилось о фонарь, и на нас посыпался дождь искр и стекла. Мы вскинули автоматы. Округа погрузилась во мрак. Лишь луч фонарика Агеева метался над головой, прорезая тьму.

– Блин, мрази! Все фонари порасшибали, – все так же спокойно проворчал Бабин. – Они боятся света и, кстати, реагируют на движение. Так что не дергайтесь. Я уже успел немного изучить их повадки.

– Значит так, – прошептал Агеев. – Держимся вместе и медленно отходим к караулке...

Как только он привстал, над головой раздалось нарастающее хлопанье крыльев. Роганин вскрикнул и исчез. Я ринулся было за ним – и вдруг замер: на фоне сливового неба на столбе ограждения восседала огромная птица. Увидев меня, она зашипела и расправила гигантские крылья, отчего стала похожа на черного ангела. Я дрожащей рукой перевел предохранитель в боевое положение, вскинул автомат, но Агеев оказался быстрее. Воздух прорезала очередь, и «черный ангел» пропал. В руках у Агеева оказался фонарик, по траве скользнул луч и осветил бычьеся на земле тело. Разводящий подбежал и короткой очередью снес монстру череп.

– Похоже, еще один представитель инопланетной фауны, – сказал он.

Из травы выбрался Роганин.

– Цел? – спросил Агеев.

– Руку разодрал, гад, – прошептал он, зажимая ладонью рану. – Грохнулся прямо на меня, я даже сообразить не успел. Я его штыком ткнул – сразу отпустил. Пацаны, надо бежать!

И тут что-то рухнуло мне на спину – словно с небес спикировала огромная птица. Между лопаток пронзила боль. Что-то поволокло меня, швырнуло на дорогу. Раскрыв глаза, я увидел, что надо мной склонилось одно из этих чудищ. Зашипело, раскрыв клюв и обнажив ряд острых зубов, растопырило крылья. Чудовище что-то подняло вверх. Я машинально подставил автомат, и тут же на него обрушился мечевидный отросток. Да с такой силой, что мой «калаш» едва выдержал удар – ствольная коробка помялась. «Птица» снова подняла отросток. Я развернул автомат дулом на чудовище и надавил на гашетку. Тишина! Покореженный автомат, похоже, приказал долго жить. Я снова подставил автомат под удар, еще и еще. Монстр бил с такой силой, что оружие едва не согнулось пополам. Если так прилетит в череп – сразу кранты, и каска не спасет! Мне удалось ударом ноги оттолкнуть монстра. Но ведь это ненадолго! Надо что-то делать! Все, что мне осталось, – отстегнуть штык-нож от ствола теперь уже бесполезного автомата. И как раз вовремя. Когда птица набросилась на меня снова, я поднырнул под нее, уходя от прямого удара «меча», и, сделав выпад ножом, почувствовал, как лезвие вошло во что-то упругое. Я сразу же рванул нож вниз. Птица с визгом отскочила, размахивая распоротым крылом.

– Пацаны, сюда! – заорал я, не сводя глаз с верещащей, извивающейся на земле твари. – Агеев, Роганин! Сюда! На помощь!

Однако помощи ждать было бесполезно. Я понял, что у вышки тоже что-то происходит: какой-то треск, по кустам мечется луч фонарика, грянуло несколько выстрелов. Я снова взглянул на птицу. Та уже поднялась в полный рост, однако пока не нападала. Она стояла передо мной, кошмарная помесь птеродактиля и богомола, угрожающе выставив вперед длинные отростки, и, видимо, опасалась приближаться.

– Ну, иди сюда! Иди! – процедил я сквозь зубы – больше, чтобы подбодрить себя, – и взмахнул ножом, понимая: если монстр поймет, что я сам боюсь его до смерти, непременно набросится.

Я сделал шаг. Существо зашипело, обнажив клыки, и отступило. Шипастые крылья угрожающе приподнялись, в узеньких глазках блеснул холодный огонек.

– Что, страшно? – сказал я, а сам снова с надеждой взглянул туда, где скользил по кустам луч фонарика, – Эй! Агеев! Кто-нибудь! Я здесь! Где же вы, черт возьми?

Я сделал еще шаг. Мечевидные отростки чудища приподнялись, словно для защиты. Монстр захлопал крыльями, из зубастого клюва вырвался не то писк, не то хрип. Ну, была не была! Я быстро пошел вперед, и монстр в страхе попятился. Да только вскоре уперся спиной в колючую проволоку ограждения. Это была моя ошибка. Видимо поняв, что попал в западню, монстр весь собрался – явно для отчаянного прыжка. «Надо бежать к вышке!» – мелькнула у меня мысль. Однако птеродактиль-богомол оказался проворнее: не успел я повернуться, чтобы дать деру, тот прыгнул и, ударив меня когтистыми ногами в спину, повалил на землю. Крылья стиснули меня в смертоносных объятиях, сквозь форму в тело впились иглы шипов. Мне удалось высвободить правую руку, и я уперся локтем в горло монстра. Зубастый клюв клацнул в паре сантиметров от плеча. Мы покатались по грязи. Монстр яростно бил крыльями, шипы рвали на мне одежду, оставляя порезы на спине. Впрочем, шипы были ерундой, ведь главным своим оружием – длинными отростками-мечами – тот воспользоваться не мог. Однако и я упирался в его горло той самой рукой, что сжимала нож.

Мышцы заныли, я чувствовал, что правая рука все больше немеет. Монстр же, казалось, не уставал, а, наоборот, бился все яростнее. Я попытался снова позвать на помощь, однако мой крик больше походил на сдавленный хрип. Хотя, даже если бы мне удалось докричаться, вряд ли кто-нибудь мог мне помочь. Со стороны вышки по-прежнему доносились выстрелы и крики. Там тоже шла борьба. Тут я почувствовал, как монстр медленно выскальзывает из моих рук. Я придавил его к земле, навалившись всем весом, однако тот все больше и больше высвобождался. Если я отпущу его – мне конец! Тогда я решился освободить правую руку. Для этого мне пришлось убрать локоть с горла чудовища, и тут же в левое плечо впились острые клыки. Стиснув зубы от боли, я ударил ножом в покрытую чешуей грудь. Монстр запищал, но челюсти не разжал, наоборот, они сомкнулись, как тиски. Я выдернул нож, липкая кровь хлынула из раны, ударил снова, теперь уже целясь в глаз чудовища. Птеродактиль взвыл и забился. Хватка ослабла. Я еще несколько раз воткнул нож в черное тело и, наконец, сбросил с себя обмякшие крылья. «Неужели получилось?» – подумал я, отползая от подрагивающего в агонии кошмарного существа. Все мое тело горело, казалось, на нем живого места не осталось.

И тут позади громыхнула очередь. Я резко оглянулся, и в глаза ударил слепящий свет фонарика. На тропинке стоял Агеев с автоматом, а между нами билось в предсмертных муках еще одно крылатое чудовище.

– Ты как, жив? – Ко мне подбежал тяжело дышащий Роганин, помог встать.

– Порядок. – Я попытался улыбнуться, хотя радости было мало. Плечо жутко ныло. Я наклонился и поднял свой покореженный автомат.

– На, держи, – сказал Агеев, вложив мне в руки другое оружие. – Это Волкова. Я прихватил на втором посту. Бери-бери, тебе он теперь нужнее.

При упоминании о Волкове меня передернуло. Я даже невольно бросил взгляд под ноги – не шевелится ли почва. Автомат все же взял.

– А сейчас такая задача, мужики, – продолжил Агеев. – Нам нужно во что бы то ни стало пробиться к караулке. Так что не разбредаемся и аккуратненько за мной. Уж не знаю, что это за дрянь, но, похоже, этой фауны тут навалом.

И Агеев, пригнувшись, побежал по тропинке в сторону ворот внешнего ограждения, вода по кустам и траве лучом фонарика. Мы поспешили следом, с опаской глядя по сторонам, сопровождая взгляды стволами автоматов...

В караулке, как мы потом узнали, все это время тоже не скучали. Она находилась в положении осажденной крепости. Правда, никто толком понять не мог, кто или что их осаждают. Рыбалкин так и не объявился, в комнате отдыхающей смены – труп, с постов вестей нет. В караульном помещении, кроме начкара, остались лишь Трошников и Шурович, которые сидели под окнами в бодрячке, да Сычев. Тот, как положено по уставу, занял оборону на улице у входа. В караулке было темно – свет везде погасили, ставни на окнах распахнули.

– Товарищ капитан, можно хоть покурить сходить? – спросил Шурович.

– Кури здесь, – сухо бросил Саморов из своего кабинета, где он точно так же сидел на полу под окном с автоматом в руках.

Шурович облокотился спиной о батарею, пристроил автомат рядом, достал пачку. Во мраке засветился огонек сигареты.

– Андрюха, угощай, – сказал сидящий под другим окошком Трошников.

Шурович бросил ему пачку.

– Сидим тут вот уже час и ждем неизвестно чего, – проворчал Трошников, прикуривая. – Никто не нападает...

– Сплюнь! – перебил Шурович. – Кстати, Сычев с собачки сказал, что со стороны постов выстрелы слышал.

– Так это было давно. Еще когда Волков звонил.

– Не-а. Говорит, что недавно. Видать, правда нападение!

– Скажешь тоже, – возразил Антон. – Чего тут брать-то?

– Тихо! – Шурович насторожился.

– Ты чего? – прошептал Трошников, чуть ли не вжавшись в батарею.

– Там есть кто-то... – Андрей кивнул на окно.

За мутным стеклом мелькнула тень. Шурович взял оружие, приподнялся, взглянул в окно и сразу же отпрянул, чуть не изрешетив возникшее перед ним лицо.

– Дурак, это же Сычев! – узнал Трошников.

– Он же на собачке должен быть, – удивился Шурович, опуская автомат. – А это окно выходит на другую сторону!

И вдруг Сычев неистово затарабанил по стеклу и замахал руками. Шурович растерянно посмотрел по сторонам, словно решаясь, стоит ли покидать позицию без разрешения. Все же вскочил и побежал в коридор.

– Эй, ты куда собрался? – окликнул его начкар.

– Там Сычев! Похоже, что-то случилось...

– погоди. – Капитан пошел вперед. – Нечего поперек батьки в пекло лезть.

Вынув из кобуры пистолет, Саморов осторожно приоткрыл входную дверь. Выглянул – никого. Шурович и Трошников неуклюже толкались позади. И вдруг снаружи раздался такой дикий вопль, что начкар мигом очутился на улице. Освещенная тусклым фонарем площадка перед караулкой была пуста. Капитан быстро пошел вдоль стены здания. Шурович и Трошников, стиснув автоматы, поплелись следом. Дойдя до угла, начкар заглянул за него. Сычев все так же стоял у окна.

– Сычев! – позвал капитан, осветив фонариком его лицо. – Сергей, что-то случилось?

Сычев выпрямился. Казалось, он не видел капитана – смотрел прямо перед собой широко распахнутыми, будто остекленевшими, глазами. С дрожащих губ стекала какая-то темная жидкость.

– Пойдем, Сергей, – сказал Саморов, убрав пистолет обратно в кобуру.

Взяв Сычева за рукав, он потянул его к двери караулки. Тот покорно пошел, все так же глядя перед собой.

– Шурович, возьми его автомат, – повелел капитан. – Трошников, заменишь Сычева на собачке... Хотя... Погоди. Отставить. Возвращайтесь на позиции. Из караулки – ни шагу!

Трошников с Шуровичем, придерживая под руки Сычева, повели его внутрь караулки.

– Куда его?

– Давай в бодрячку.

Они усадили Сычева в кресло. Тот продолжал отрешенно смотреть перед собой. Его была сильная дрожь. Шурович притащил из комнаты начкара одеяло.

– Серега, ты как? – спросил он, накидывая одеяло ему на плечи. – Говорить можешь?

– Оно... – прохрипел Сычев. – Оно во мне!..

При каждом слове у него изо рта выплескивалась какая-то темно-зеленая жидкость.

– Антоха, пить притащи. Давай резче!

Трошников побежал в столовую, схватил кружку, зачерпнул в бидоне чай и побежал обратно. Когда пробежал мимо все еще распахнутой входной двери, снаружи вдруг раздалось два выстрела. От неожиданности кружка выскользнула у Трошникова из рук, грохоча и расплескивая чай, покатила по полу. Антон машинально присел и прислушался. С улицы доносились какой-то шум, хрип, рычание. «Может, сбегать за автоматом?» – подумал Трошников. Раздалось еще несколько выстрелов. Стреляли явно из пистолета. «Значит, начкар!» – догадался Антон. Он больше не размышлял. Влетев в бодрячку, схватил автомат и поспешил на улицу. На пороге замер. Сразу за дверью начинался мрак – уличный фонарь оказался разбит. Антон нажал на выключатель – в коридоре зажглась лампа. В полоске льющегося из двери света он увидел лежащего посреди площадки окутанного туманом начальника караула.

– Шур, скорее сюда! – закричал Трошников.

Рядом появился Шурович и тоже уставился на Саморова:

– Офигеть!

Левая рука капитана была разорвана так, что выступали кости. Вдоль кителя тянулись длинные кровавые полосы. Шурович, уперев приклад в плечо, внимательно осмотрелся. Никого.

– Надо скорее занести его, – опомнился Трошников.

Они подняли капитана и, тревожно озираясь, внесли в караулку.

– Неси в его кабинет. Так... Осторожно... Заноси в дверь... Давай на кровать!

Саморов был в сознании. Он все повторял:

– Никому! Никому доверять нельзя! Чудовище! Не человек! Никому нельзя...

Трошников побежал в столовую. По пути поднял кружку, сполоснул ее и снова наполнил чаем. Пробегая обратно, заметил, что входные двери все еще открыты. Он осторожно прошел по тамбуру и выглянул на улицу. Взгляд его скользнул по темной бетонированной площадке и остановился на ярком пятне среди тумана – видимо, капитан выронил включенный фонарик. Антон хотел было выбежать на улицу и поднять его, и тут взгляд его упал на другое пятно – темное. Посреди площадки растеклась лужа крови. Антон тут же захлопнул дверь и задвинул щеколду. Когда вернулся в комнату начкара, Саморов более-менее пришел в себя. Он взял у Трошникова кружку и, морщась, сделал пару глотков.

– Что с вами случилось, товарищ капитан? – спросил Шурович, аккуратно бинтуя начкару руку.

– Рыбалкин! – хрипло ответил тот. – Я был уверен, что это Рыбалкин!..

Как рассказал капитан, после того как Шурович и Трошников увели Сычева в караулку, он задержался у двери. Хотел понять, что же так напугало часового. Ведь этот здоровенный детина никогда не выделялся особой чувствительностью, а скорее даже наоборот. У него и

прозвище-то было – Бык, не столько за габариты, сколько за феноменальную твердолобость. И вот теперь этот самый Бык оказался напуган похлеще ягненка!

– Я внимательно оглядел площадку, – рассказал Саморов. – Ничего подозрительного не заметил. В какой-то момент показалось, что неподалеку раздался человеческий стон, но я сообщил, что это всего лишь ветер завывает в пулеулавливателе. А ветер поднялся такой, что фонарь забился на столбе. Да с такой силой, что я подумал, что вот-вот сорвет. И, что меня поразило, несмотря на ветер, по площадке перед караулкой над лужами стелился странный белый туман.

Вдруг что-то капнуло сверху. Я взглянул на рукав – по форме расплзлось серое пятно. Какая-то странная склизкая жидкость. Я стер ее платком, нащупал в кармане фонарик и осветил козырек крыльца над головой. Тот оказался облепленным какой-то серо-зеленой слизью. Я не силен в биологии, решил, мало ли какая плесень бывает... В общем, выключил фонарик и хотел уже войти в караулку, как вдруг услышал:

«Товарищ капитан!»

Оглянулся.

«Товарищ капитан!»

Присмотревшись, я увидел, что у калитки кто-то стоит.

«Скорее. Я не могу...»

Голос был хриплый, чей – непонятно. Фонарь над площадкой трепыхался так, что я в этих вспышках не мог рассмотреть, кто это. Вспомнил, что смена ушла на посты. Может, кто-то из них? Тогда почему вернулся один? Я осторожно двинулся к калитке, а сам на всякий случай нащупал в кобуре пистолет – мало ли что...

Позади раздался треск, звон стекла, и тут же обрушилась тьма. Фонарь все-таки сорвало!

«Скорее, – снова раздался голос. – Пожалуйста!»

Я подбежал к калитке. Отодвинул щеколду, вынул из кармана фонарик. Когда осветил стоявшего за калиткой, едва не выронил фонарь. Это был явно наш боец, в военной форме. Да только посреди кителя у него зияла рваная рана, будто кто-то вспорол ему брюхо от паха до солнечного сплетения. Мне показалось даже, что внутренности вывалились наружу. Я осветил его лицо и отпрянул: кровавый сгусток вместо глаза, и рот разорван так, что торчат зубы. И тут я узнал его!

«Рыбалкин?»

Тот молча пошел прямо на меня. Его порванный рот с торчащими розовыми окровавленными зубами походил на кошмарную ухмылку.

«Рыбалкин, это ты?» – снова спросил я.

«Фо близко!» – прохрипел он в ответ.

«Его же срочно в санчасть надо», – подумал я. Да только вид у этого окровавленного парня был такой, словно ему совсем не больно. Может, болевой шок?

Тот все так же медленно наступал, продолжая скалиться своим кровавым оскалом, и в свете фонарика мне вдруг показалось, что вместо зубов у него – клыки. Я не из пугливых, в горячих точках служил, да только такой жути в жизни не испытывал. У меня вдруг возникла четкая уверенность: передо мной – не человек! Я достал пистолет. Рыбалкин это или нет, да только у нас в караулке уже лежит один изуродованный труп! Вдруг это сделал этот псих?

«Стой на месте! – крикнул я. – Рыбалкин, ты меня слышишь? Еще шаг – и я прострелю тебе ногу! Я не шучу, ты меня знаешь».

«Фо близко!» – снова повторил тот.

«Ну, сам напростился», – сказал я и выстрелил.

Клянусь, пуля аккуратно вошла в бедро. Я видел дырку! И что вы думаете? Он не закричал, не упал! Только присел слегка. Когда снова пошел на меня, я опять выстрелил, на этот раз метя ему в плечо. Пуля пошла практически в упор. Рыбалкин и на этот раз не упал. Пошатнулся,

но остался на ногах и снова стал медленно наступать. В этот момент мне показалось вдруг, что в нем что-то изменилось. Он стал как-то ниже ростом и шире в плечах. Его лицо как-то удлинилось, на асфальт упали несколько выпавших зубов, а во рту что-то зашевелилось, похожее на щупальца или сгусток червей. А еще его руки... Они словно усохли, почернели и стали походить на длинные паучьи лапы. Кто бы мне рассказал, не поверил! Да только это происходило передо мной, наяву...

Капитан прервался и долго кашлял в зажатую в кулак простыню. Когда приступ кашля прекратился, на простыне осталось кровавое пятно. Шурович влажным платком вытер выступившие у начкара на лбу крупные капли пота. Удивленно взглянул на Трошников: мол, что скажешь? Тот лишь пожал плечами.

– Тут я не выдержал и побежал... к двери караулки, – с трудом продолжал начальник караула. Похоже было, что он вот-вот потеряет сознание. – Да только у крыльца поскользнулся... Наверное, на той склизкой дряни... Упав, я выронил пистолет, но тут же поднял... Только вскочил на ноги, позади раздался звук... Хрип или вроде того... Резко повернулся... Вскинул пистолет вместе с фонариком. И остолбенел... Там была пасть! Огромная такая розовая пасть с копошащимися в ней... щупальцами, червями или змеями... А еще черные лапы... растопыренные, как у гигантского паука... Это все, что я успел заметить... Потому что он напал... Сбил с ног... Паучьи лапы сдавили, дышать не мог... Боль в руке... Фонарик выпал, но пистолет, к счастью, нет... Повезло... Я упер ствол в грудь этому... этому чудищу. Прямо между этих чертовых лап... И нажал – выпустил все оставшиеся шесть пуль... Помню, чудище захрипело, задергалось... Разжало лапы... Дальше... дальше не помню. Похоже, потерял сознание...

Капитан приподнялся.

– Там, на площадке... там был кто-то? – спросил он, схватив Шуровича за руку. – Вы его видели?

Тот лишь снова озадаченно переглянулся с Трошниковым.

– Значит, выжил, тварь. – Саморов снова лег. – Уполз, гад!..

Его сотряс новый приступ кашля. И тут он встревожился:

– Заприте дверь!

– Я уже запер, – успокоил Антон.

– Хорошо... – Капитан стер с губы струйку крови. Он с трудом говорил, задыхался. – В общем, так... Слушайте меня внимательно... Из караулки – ни шагу! Вам ясно? Нужно... дождаться смены. Верить никому нельзя... Они – не люди! Верить нельзя... Верить...

Капитан замолчал. Его трясло. Шурович снова вытер у него на лбу пот. Лоб начкара оказался горячим, словно утюг.

– Верить нельзя... – прошептал капитан. – Верить... нельзя... верить...

Саморов говорил все тише, а потом и вовсе затих.

– Он что... – встревожился Шурович.

– Жив, – успокоил его Трошников, нащупав у капитана пульс. – Без сознания.

– Что об этом думаешь?

– Похоже, он просто бредит... – Антон пожал плечами. – Хотел бы я знать, что там на самом деле случилось.

– Думаешь, то, что он рассказал про монстра...

– Какой, к черту, монстр? – возразил Трошников. – Ты сам понимаешь, что несешь? Монстров не бывает!

– Что же тогда могло сделать такое? – Шурович кивнул на окровавленного капитана.

– Кто знает? Может, волк напал или медведь. Мы же как-никак в тайге. Меня больше беспокоит, что с ним делать. Крови много потерял.

– Бинты кончились, – обреченно заявил Шурович, бросив аптечку.

Их хватило лишь перевязать руку. Но что там рука... Все тело начкара походило на кровавую кашу!

– По-хорошему, его бы в госпиталь отвезти, – вздохнул Антон.

Шурович приподнял трубку на пульте. Покачал головой.

– А если связь с частью так и не наладят? – спросил он.

– Тогда вариант только один, – ответил Трошников. – Завтра часов в семь вечера из части прибудет новый караул.

– Блин, да капитан же, может, не дотянет до смены-то! – вскричал Шурович. – Надо что-то делать!

Он снял китель и принялся рвать его на бинты.

– Ну, что ты стоишь? Что? – закричал он на Трошникова.

– Кажись, все, – тихо сказал тот, уронив руку капитана.

– Что значит «все»? – захлопал глазами Шурович.

– Помер.

– Как помер? – Шурович прижался ухом к окровавленной груди. И вдруг принялся неистово трясти начкара за плечи: – Товарищ капитан! Товарищ капитан! Да скажите вы хоть что-нибудь!..

– Шур... – Трошников положил ему руку на плечо. – Оставь.

Шурович опустил на пол у кровати, вцепился пальцами в свою длинную светлую челку.

Трошников стоял рядом, молча глядя на мертвого начкара.

– Они нас теперь всех так? Да? – вскинул голову Шурович.

– Кто «они»? – мрачно спросил Трошников.

– Они! Не знаю кто! Тот, кто сделал это с ним, с Провиным, с Рыбалкиным. С... с остальными пацанами!

– Мы еще не знаем, погибли те, что ушли на посты, или нет, – тихо заметил Трошников. И в голосе его было мало надежды.

В комнату вошел Сычев и встал, прижавшись к дверному косяку.

– Не могу быть там один, – тяжело дыша, сказал он. – Да и вообще, по-моему, нам лучше держаться вместе. Иначе эти зверюги нас поодиночке поубивают.

– Какие зверюги, Бык? – вскричал Трошников. – Ты о чем вообще? Нет тут никаких монстров! Это все бред!

– Бред, да? То есть на меня, как и на капитана, по-твоему, бред напал? – холодно оборвал его Сычев.

Трошников замолчал.

– Я не знаю, что это было, – почти шепотом продолжал Сычев. – Какая-то склизкая тварь. Набросилась на меня откуда-то сверху. С козырька караулки. Помню только зубы, огромные. Еще щупальца были... Липкие, холодные...

Сычев скривился от отвращения.

– Серега, ну что ты несешь? – не выдержал Трошников. – Тут и так тошно.

– Но я серьезно! – Сычев побледнел, его затрясло. – Оно... Оно обвило меня. Что-то сунуло мне в рот...

– Ладно, все, прекрати! – оборвал Трошников. – Уж не знаю, что тут на самом деле происходит, но ясно одно: кто-то жестоко вырезает наш караул! Грабители там, или террористы... Не важно, кто и зачем. А важно лишь то, что, прежде чем что-то тут сделать, они решили для начала перебить всех нас. Может, чтоб не мешали... Значит, наше единственное спасение – драться. А если нет шансов уцелеть, так хотя бы как можно дороже продадим свою жизнь!

Антон подошел к сейфу с боеприпасами. Осмотрел.

– Ну, скажем, патронов у нас более чем достаточно. Так... В сейфе хранится полторы сотни на каждого караульного. Нас осталось из двенадцати четверо... – Он покосился на нач-

кара и поправился: – Трое. На усиление постов ушли двое – Агеев и Роганин. Значит, по три магазина из сейфа они взяли с собой. Но у нас все равно остается больше пятисот на человека. Плюс еще и гранаты. С таким боезапасом до приезда смены должны продержаться...

Его прервал грохот. Сычев, Трошников и Шурович переглянулись. Грохот повторился.

– Кажись, в двери стучат, – прошептал Сычев.

– Может, не открывать? – насторожился Шурович.

– А вдруг смена?

Трошников взял автомат и поспешил к выходу. Шурович поплелся следом.

Отперев первую дверь тамбура, Трошников крикнул:

– Кто там?

В ответ раздалось какое-то невнятное бормотание и возня, а затем такой неистовый стук, что дверь заходила ходуном.

– Я ни хрена не понял, что там говорят, – посетовал Антон.

Шурович растерянно пожал плечами – мол, я тоже.

– Ладно, Андрюха, ты стой здесь, – повелел Трошников. – Если что – стреляй!

Шурович спрятался за дверным косяком и направил ствол на сотрясаемую ударами внешнюю дверь. Трошников осторожно приблизился к ней, прислушался. Потом быстро дернул щеколду и отпрыгнул, вскинув автомат.

– Антоха, спокойно! Это я!

Дуло смотрело прямо в лицо младшему сержанту Агееву...

Шурович не зря разорвал свой китель на бинты. Не пригодившись капитану, теперь они пошли на перевязку вернувшихся с постов.

– Зверек, ты где это так плечо разодрал? – спросил Шурович, обрабатывая рваную рану на моем плече.

– Да эта херня летучая в него вцепилась, – ответил за меня Слава Бабин, как всегда с такой невозмутимостью, словно речь шла о том, где я посадил на форму пятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.